

РУССКИЙ

МЕЦЕНАТ

2015

Выпуск 2/19

Женщина
из «Лондонграда»
стр. 10

Музей
на все времена *стр. 16*

Занесли дыню
в город *стр. 36*

Куда уходит
Англия? *стр. 50*

Часы на башне Биг Бен
(Башня Елизаветы)
в Лондоне были запущены
31 мая 1859 года.

Механизм исторических часов
на Думской башне в Санкт-Петербурге,
возведенной в 1804 году, возрожден
и вновь запущен 12 ноября 2014 года
по инициативе Сбербанка

*Справедливая власть
Сильный бизнес
Благополучные граждане*

РУССКИЙ МЕЦЕНАТ

Аркадий Соснов — главный редактор
Игорь Домрачев — арт-директор
Андрей Зайцев — фоторедактор
Светлана Рагина — фотограф
Елена Морозова — корректор

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 5, к. 213, Тел./факс (812) 328 2012
e-mail: sosnov2003@yandex.ru
сайт: www.rusmecenat.ru

Председатель попечительского совета М. Б. Пиотровский

Учредитель: Аркадий Соснов
Издатель: Санкт-Петербургская общественная организация
«Журналистский центр международного сотрудничества»
Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5
Тел./факс (812) 328 2012

**Доставляется руководителям органов власти,
компаний, учреждений культуры, НКО**

Партнер в Великобритании: Russian Maecenas Publishing LTD
Федор Кузнецов — управляющий партнер
Алла Армен — заместитель директора

52-55 Piccadilly, Level 2, W1J 0DX London, United Kingdom
www.rusmecenat.co.uk, info@rusmecenat.co.uk
Tel./Fax. +44 (0) 7437373717

Юлия Попова — официальный представитель в Великобритании,
jp@rusmecenat.co.uk
Надя Кидд — переводчик

**Распространяется в культурных
и деловых центрах Великобритании и по подписке**

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС2-8864
от 01.11.2007. Номер подписан в печать 03.02.2015. Отпечатан в типографии
«ПремиумПресс». 197374, Санкт-Петербург, ул. Оптиков, 4
Тираж 2000 экз. © «Русский Меценат», 2010

Использование материалов только с письменного разрешения редакции. Мнения
авторов могут не совпадать с мнением редакции. Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных материалов. Все рекламируемые товары и услуги
имеют необходимые сертификаты. Все права защищены

На обложках:

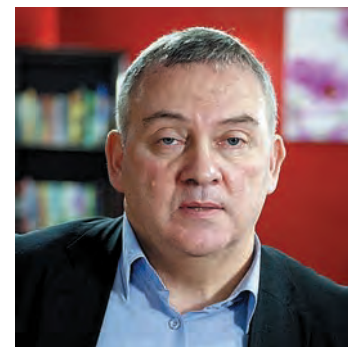
Актриса и общественный деятель Дина Корзун в Москве и в Лондоне
Фото: Ольга Лавренкова, UKatePhoto

Здравствуйте!

Алло, такси!

Прошлой осенью в Лондоне со мной случился казус. Вышел я в 6 утра из квартиры в Хэмпстеде, предоставленной друзьями, захлопнул дверь и бодренько зашагал к ближайшей станции метро, прикидывая, как доберусь до Хитроу к началу регистрации на девятичасовой рейс в Питер. Однако привычного оживления у входа в подземку не наблюдалось, на улице ни души, двери станции наглухо закрыты. Нехорошее предчувствие подтвердила надпись на стене, гласившая, что станция по воскресеньям открывается в 8 утра. На счастье из-за поворота выкатил черный кэб такси. К несчастью, он был с пассажирами. Но я так махал руками, что кэб остановился. «Мне в аэропорт, сэр», — сказал я водителю. — «Ничем не могу помочь, сэр. Я везу этих людей». — «Но мне позарез нужно». — «Я могу их спросить, и если они согласятся...» — «Пожалуйста!» — Они согласились. По дороге выяснилось, что это таксисты, отработавшие смену, и мой водитель развозил их по домам. Когда из машины вышел последний, он включил счетчик. Домчались с ватерком, но незнание нравов здешнего метро обошлось мне в 90 фунтов — по нынешнему курсу деньги атомные.

Мне нравятся лондонские кэбы. Водитель отделен от пассажиров плексиглазовой перегородкой, что обеспечивает приватность и безопасность. Но мест в салоне достаточно: три на заднем сиденье и два откидных. Потолок в расчете на условного пассажира в цилиндре.

В конце поездки водитель открывает дверку в перегородке и выдает счет: «Хорошего дня, сэр!»

По данным опросов, лондонское такси считается лучшим в мире. Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга недаром решил разместить картинки Невы с разведенными мостами именно на бортах лондонских кэбов. Они надежны и респектабельны, экологичны и вездесущи. Вот бы и на боках петербургских таксомоторов появились однажды символы Лондона или Манчестера! Они означали бы не просто европейский уровень обслуживания, но и то, что вам не придется перед посадкой обсуждать с водителем стоимость поездки. Все по счетчику.

*Аркадий Соснов,
главный редактор альманаха
«Русский Меценат» / Russian Maecenas*

СОБЫТИЕ

ПЕРВЫЙ ШАГ — УЖЕ ДОРОГА

Вышел в свет новый двуязычный журнал
«Русский Меценат» / Russian Maecenas / стр. 4

БЛАГОТВОРИТЕЛИ

ЖЕНЩИНА ИЗ «ЛОНДОНГРАДА»

Как актриса Дина Корзун нашла себя, помогая
больным детям / стр. 10

НАСЛЕДИЕ

МУЗЕЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Директор Британского музея Нил МакГрегор —
о Государственном Эрмитаже / стр. 16

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХОУТОН

Эрмитажные выставки шагают по Британии / стр. 20

С ЗЕЛеноЙ ЛЯГУШКОЙ

«Русский сервиз» Джозайи Веджвуда как пособие
по краеведению / стр. 26

ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Британка Марджи Кинмонт сняла документальный
фильм о 250-летней истории знаменитого музея / стр. 31

ПЕРЕКРЕСТКИ

ЗАНЕСЛИ ДЫНЮ В ГОРОД

Регбисты из Оксфорда подучили коллег
из Санкт-Петербургского университета / стр. 36

Содержание

ЕСЛИ ПАДАТЬ, ТО БЕЗОПАСНО!

Русское самбо набирает популярность в странах Содружества / стр. 41

РИСУЮЩАЯ РОССИЮ

Британская художница Джанет Трелоар любит Ахматову и знает, чем была блокада Ленинграда / стр. 46

КРЕАТИВ

КУДА УХОДИТ АНГЛИЯ?

Поэтический конкурс как способ изучения языка и познания души народа / стр. 50

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ПОЭМА В СЕРЕБРЕ

Английская реликвия, ставшая достоянием российского музея

БОЛЬШЕ САМОГО СЕБЯ

Бродский в Англии и английский Бродский

СЛАБОЙ ЖЕНСКОЙ РУКОЙ

О том, как шотландская художница Кристина Робертсон покорила Россию

ПО ВОЛНАМ ПАМЯТИ

Зачем российские ветераны полярных конвоев отправились в приморские города Великобритании

Первый шаг — уже дорога

В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ГОДА ОДНОВРЕМЕННО В ЛОНДОНЕ И В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ВЫШЕЛ В СВЕТ НОВЫЙ ДВУЯЗЫЧНЫЙ ЖУРНАЛ «РУССКИЙ МЕЦЕНАТ» / RUSSIAN MAECENAS

Сергей ТЕПЛОВ. Фото: Mimage Creative Production, Сергей Лekomцев (Лондон), Светлана Рагина

Для гостей играла польская скрипачка Веслава Хробак (Wiesława Chrobak).

Как правило, дебютный выпуск нового издания называют пилотным, то есть пробным, и если наделяют порядковым номером, то нулевым. С тем чтобы возможные погрешности списать на издержки эксперимента. Лондонско-петербургская команда журнала «Русский Меценат» / Russian Maecenas решила иначе и к первому номеру, который параллельно готовился в Великобритании и России, отнеслась без скидок и надежд на снисхождение читателей. Первый — значит, быть ему ориентиром для следующих.

На то было несколько причин. Прежде всего у нового журнала, посвященного сотрудничеству двух стран в сферах культуры, искусства и бизнеса, мощный фундамент — выпускаемый с 2007 года в России альманах «Русский Меценат», с выверенной концепцией социального партнерства, поддержки культуры и благотворительности, необычным горизонтальным форма-

том и сложившимся кругом читателей. У этого издания надежные партнеры, достаточно назвать Государственный Эрмитаж, генеральный директор которого М. Б. Пиотровский возглавляет Попечительский совет альманаха.

Они, естественно, стали партнерами и русско-английской версии журнала. Обращаясь к его читателям, Михаил Пиотровский отметил, что «мы не просто журнал выпускаем для Англии, мы свое замечательное культурное достояние привносим в англоязычный мир». В свою очередь главный редактор журнала Аркадий Соснов обращает внимание на ключевую рубрику журнала — Crossroads. Это перекрестки совместной истории, национальных обычаев, судеб; перекрестки, на которых происходят знаковые события и встречи, рождаются новые культурные ценности и смыслы.

Событие

Главный редактор журнала
Аркадий Соснов (в верхнем ряду в центре)
рад новым читателям.

Заместитель исполнительного директора
Hermitage Foundation UK Дженис Сачер
(в нижнем ряду слева) приглашает
на выставку «Фрэнсис Бэкон и наследие
прошлого» (Francis Bacon and the Masters)
в Государственном Эрмитаже.

Екатерина и Уильям МакДугалл приветствуют гостей.

В тот вечер было много желающих сфотографироваться с Санкт-Петербургом.

Одна из традиций «Русского Мецената» — публичное представление каждого номера с участием его героев и проведением благотворительных акций. Не стали отступать от нее и создатели журнала «Русский Меценат» / Russian Maecenas, которые провели сразу две церемонии разного формата — в Лондоне, в рамках программы культурной миссии Санкт-Петербурга в Великобритании, и в городе на Неве, в самый канун 250-летия Государственного Эрмитажа.

Смотрины журнала в аукционном доме MacDougall's — на фоне весьма неблагоприятной политической обстановки и отмены британской стороной перекрестного Года культуры России и Великобритании (The UK — RUSSIA Year of Culture) — получили на удивление оживленными и многолюдными (более 300 представителей деловых кругов, учреждений культуры, спорта, ветеранских организаций и благотворительных фондов, как сказал один из гостей, «весь спектр лондонского общества»). Судя по всеобщему интересу к свежайшему издательскому продукту, он нашел свою нишу.

Там же, в MacDougall's, была развернута выставка работ партнера журнала, фотографа и по совместительству банкира Вадима Левина «Санкт-Петербург с птичьего полета», а один из счастливиц Даниэл Солтер (Daniel Salter) из компании Renaissance Capital получил в подарок роскошную фотопанораму Северной столицы России.

Событие

Петербургское представление проекта под сенью юбилея Эрмитажа было более камерным и статусным. Поздравляя создателей и партнеров журнала с выходом первого номера, Михаил Пиотровский отметил важную роль меценатского движения для поддержки культуры.

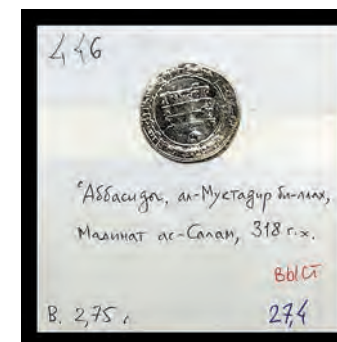
Затем, словно в подтверждение его слов, состоялась церемония передачи Эрмитажу дара Вадима Левина — уникальной коллекции старинных серебряных монет (куфических дирхамов). Управляющий партнер компании Russian Maecenas Publishing LTD Федор Кузнецов выразил надежду, что это не последний подарок от друзей альманаха.

Специалисты отдела нумизматики Эрмитажа отмечают, что в музее давно ждали коллекцию такого класса. Они оценивают ее как исключительно полное собрание типов исламских монет, поступавших по международным торговым путям и обращавшихся в Восточной Европе в конце X века.

В нем доминируют монеты среднеазиатских, иранских и прикаспийских государств. Преобладают монеты династии Самани-

Михаил Пиотровский поздравляет создателей журнала «Русский Меценат» / Russian Maecenas с выходом первого номера и благодарит Вадима Левина за ценный дар Эрмитажу. Федор Кузнецов (слева) прилетел из Лондона, чтобы передать музею раритетные дирхамы.

Журнал «Русский Меценат» / Russian Maecenas собрал авторов, друзей и партнеров в гостинице «Эрмитаж».

По традиции в представлении журнала участвуют его авторы, герои и партнеры.

Инна Шальто поздравляет директора гостиницы «Эрмитаж» Эльшана Бабаева.

дов (более 200 экз.), чеканенные главным образом в городах на территории современного Узбекистана (Самарканд, Бухара и др.), а также династии Бувайхидов, выпущенные на территории современных Ирана и отчасти Ирака. Некоторые монеты пробиты и снабжены ушком для ношения в качестве декоративных подвесок. Общий вес подарка — около 6 марок серебра (примерно 1200 г), что по стоимости равнялось 18–24 золотникам золота и примерно соответствовало годовому заработку небогатого общинника (как в Халифате, так и в Восточной Европе).

В ходе представления журнала было отмечено еще одно знаковое событие, связанное с его партнерами и... с Лондоном. Именно в столице Великобритании гостиница «Эрмитаж» — официальная гостиница Государственного Эрмитажа была удостоена международной премии European Property Awards в номинации Best Hotel Interior Russia. Ну а свидетельство о подтверждении категории «Пять звезд» гостинице вручила председатель комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга Инна Шальто.

Что ж, первые шаги нового издания оказались уверенными, без дрожи в коленках. Продолжение пути и новые перекрестки — в текущем номере.

Событие

Вадим Левин (справа) с коллекцией старинных исламских монет.

Монеты из коллекции Вадима Левина на последней выставке, представляющей наиболее интересные памятники, подаренные музеем в уходящем году. Аполлонов зал Эрмитажа, 30 декабря 2014 г.

Женщина из «Лондонграда»

КАК АКТРИСА ДИНА КОРЗУН НАШЛА СЕБЯ, ПОМОГАЯ БОЛЬНЫМ ДЕТЯМ
 Андреа РОЗЕ (Andrea ROSE). Фото: Ольга Лавренкова (Москва), Екатерина Никитина, UKatePhoto (Лондон)

Дина Корзун приняла меня в своей квартире-студии в южном Лондоне. Это не самый презентабельный микрорайон столицы, неподалеку от Темзы и по соседству с двумя местными вокзалами — автобусным и железнодорожным. Ее квартира находится в комплексе общественных зданий, чей облик напоминает о средних веках. На самом деле ансамбль, построенный в 1860-е годы, некогда был частью общины с церковью, бесплатной столовой и двумя школами, которые готовили детей из неимущих семей к работе на местных гончарном и прочих машинных производствах.

По-своему логично, что Дина — человек с очень сильным общественным «геном» — обосновалась именно здесь. Сегодня комплекс, в котором она живет с мужем и двумя дочками, является частью художественного сообщества — в перестро-

енных школьных помещениях обитают режиссеры, музыканты и дизайнеры. Логично еще и потому, что Дина, признанная и в России, и на Западе актриса (западная пресса называет ее русской Джулией Робертс), не собирается поживать на лаврах, ограничившись лишь собственной карьерой. Что-то заставляет ее двигаться дальше и помогать другим. Я спросила Дину о том, как возникла у нее тяга к благотворительности.

— Я из СССР, как вы знаете. У нас не было Бога. Но у нас были моральные ценности и чувство общей цели. Я родилась и выросла в Смоленске — этот город, расположенный близ польской границы, на пути всех армий завоевателей, страдал от войн, начиная со времен Наполеона и заканчивая Второй мировой. Обе мои бабушки участвовали в этой войне, мама тоже была добровольцем.

Благотворители

Мы жили в коммуналке — восемь семей в одной квартире с маленькой кухней, двумя плитами и раковиной на всех. Естественно, ощущали себя семьей и помогали друг другу. В школе я была пионеркой, после уроков мы, члены тимуровской команды, опекали одиноких стариков — кто-то из них не мог передвигаться, кто-то был слепым, кто-то не мог позволить себе купить буханку хлеба. Эта работа оказала огромное влияние на меня. Мне кажется, я отдавала ей больше времени, чем мои одноклассники. Наверняка тогда и зародилось во мне чувство сострадания к слабым.

— **И как же девушка из Смоленска оказалась в Лондоне?**

— После учебы в Школе-студии МХАТ в Москве меня пригласили в труппу МХТ имени Чехова. Именно в тот период я снялась в своем первом фильме «Страна глухих» режиссера Валерия Тодоровского. Картина стала сенсацией, и меня пригласили на главную роль в фильме Павла Павликовского «Последнее прибежище», который он снимал по заказу Би-Би-Си в Лондоне.

Тогда, в 1999 году, мне было 28 лет, и я не знала ни слова по-английски. Я играла молодую русскую женщину, которая приехала в Англию устраивать новую жизнь и тоже не умела, не могла себя выразить. Фильм показали в Америке и на многих европейских фестивалях — он был очень хорошо принят, отмечен наградами. С тех пор и начались мои регулярные рабочие поездки между Россией и Западом.

— **Как вы стали соучредителем благотворительной организации «Подари жизнь», помогающей детям с онкологическими заболеваниями?**

— Я много путешествовала и работала. В 2004-м снялась в фильме «Сорок оттенков грусти». Он имел фантастический успех, взял главный приз жюри на кинофестивале «Сандэнс» (Sundance), я тоже получила несколько наград. Но, несмотря на весь этот блеск и гламур, чувствовала себя ужасно несчастливой. Переживала не-

Дина Корзун (слева) и Чулпан Хаматова. Фотография-символ, сделанная для первого плаката фонда «Подари жизнь» в 2007 году в Москве на мосту через Яузу, возле дома Чулпан.

что вроде экзистенциального кризиса. Решила начать делать что-то для других и... отправилась в Непал. Там в течение трех месяцев работала в детском доме. Впервые в жизни мне все пришлось делать самой — даже покупка билетов становилась вызовом. Никто в Катманду не знал, кто я такая. Выучила санскрит и непальский, помогала 50 детям делать работу по дому, учила их рисовать. К концу своего пребывания организовала выставку детских рисунков — это было замечательное событие не только для них, но и для меня. Моя депрессия улетучилась, я поняла, что счастье не в материальном успехе. Счастье рождается и живет внутри тебя.

Когда вернулась в Россию, один из друзей познакомил меня с группой врачей, работавших в одном из московских онкологических центров. Большинство из них получили образование за рубежом, были молоды и настроены идеалистично. Они вернулись в Россию, чтобы добиться прогресса в своей области медицины, но столкнулись с инерцией системы и хронической нехваткой оборудования. В Москве в то время был лишь один современный анализатор крови. Матерям приходилось самим доставлять из больниц

Концерт 1 июня 2009 года в Доме музыки. Одна из подопечных фонда Алина Болотина из Томска в 2006–2008 годах успешно прошла лечение от острого лимфобластного лейкоза.

Звезды телепрограммы «Ледниковый период», в которой участвовала Чулпан Хаматова, в гостях у пациентов гематологических отделений Российской детской клинической больницы. На фото слева — Дина Корзун. Ноябрь 2007 г.

всего города кровь на анализ — крепили пластиковые мешочки с кровью своих больных детей на груди, для безопасного передвижения на метро или автобусе. Кошмарная ситуация! Те врачи пытались собрать 200 тысяч долларов, чтобы приобрести анализатор крови для своего института. Вот тогда мы с подругой, актрисой Чулпан Хаматовой, и решили создать фонд «Подари жизнь».

Начали названивать друзьям — актерам, музыкантам, художникам. Они были рады помочь и пожертвовать свое время и талант для сбора денег. Находились и такие, кто подозревал нас в погоне за собственным пиаром. В России еще не принято было открыто говорить о раке и других болезнях, о трудностях социальной адаптации инвалидов. Это воспринималось как признание слабости общества и критика государства. Народ изолировал себя от правды, замалчивая ее.

— **Что такое было 200 тысяч долларов в Москве по тем временам?**

— 200 тысяч долларов — цена министерского автомобиля. Мы собрали деньги благодаря щедрости друзей, но сразу поня-

ли, что это капля в море, — увидели всю глубину проблемы. В России уровень выживаемости детей, больных раком, составлял всего 40 процентов, по сравнению с 90 процентами в развитых странах. Было много прекрасных волонтеров, которые хотели что-то сделать, но не имели ни средств, ни связей для реализации своих намерений. Некоторые энтузиасты, что важно отметить, работали годами, так что мы были не одиноки, создавая благотворительный фонд. Однако нам удалось, используя нашу известность, привлечь внимание к проблеме.

С тех пор произошли огромные перемены. Уровень выживаемости детей с раковыми заболеваниями поднялся до 80 процентов, хорошо оборудованные клиники появились не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в регионах.

— **Как возникла идея открыть в Британии фонд Gift of Life — партнерский по отношению к фонду «Подари жизнь»?**

— В 2008-м, как раз во время глобального финансового кризиса, мы с мужем решили переехать в Лондон. Так было удобнее работать нам обоим (муж — гражданин Швейцарии), и мы сделали

О том, как помочь фонду «Подари жизнь», можно узнать на его сайте www.podari-zhizn.ru

Благотворители

вполне логичный выбор. Между тем фонд в России вырос и окреп (стал чем-то вроде Cancer Research в Британии), появился смысл использовать мой переезд в Лондон для создания партнерской структуры и поддержки работы, проводимой в России фондом «Подари жизнь».

— **Насколько отличается процесс фандрейзинга здесь и в России?**

— К моменту моего переезда в Лондон в России многие уже знали о фонде «Подари жизнь», а здесь пришлось начинать с нуля. Например, проводя мероприятия по сбору средств, мы платили за все — аренду помещений, оборудование, обслуживание. Но ситуация улучшается по мере того, как нас узнают и начинают доверять. Поначалу я действительно не знала никого, но один человек познакомил с пятью другими, пять превратились в пятьдесят, пятьдесят — в пятьсот... Русское сообщество воспринимает идею и действует по собственной инициативе — проводит благотворительные ланчи, дни рождения, аукционы. А британская система налогообложения помогает благотворительным организациям.

Так называемая Gift Aid позволяет вернуть базовую ставку налога, выплаченного донором, при повышении размера пожертвования на 25 процентов.

Сейчас мы зарегистрированы как благотворительная британская организация, с пятью членами попечительского совета и профессиональным директором. Наша деятельность абсолютно прозрачна и доступна через наш веб-сайт, включая открытые для любой проверки финансовые счета. Так что теперь уже легче.

— **Как вы распоряжаетесь средствами, собранными в Британии?**

— Ежегодно через Gift of Life мы собираем около 500 тысяч фунтов, в России, для сравнения, — в сорок раз больше. Все пожертвования из Британии тратим на закупку особого химиотерапевтического препарата «Эрвиназа». Он используется для лечения острой лимфобластной лейкемии. Препарат очень и очень дорогой. Его не производят в России, а спасти детей, которые не переносят обычные препараты, можно только «Эрвиназой». Мы отправляем его в больницы по всей России.

Тренировка в Москве перед благотворительным футбольным матчем в Лондоне, в котором наряду с известными спортсменами и артистами обеих стран участвовали дети. Сентябрь 2007 г.

О том, как помочь фонду Gift of Life, можно узнать на его сайте www.giftoflife.eu

Дина Корзун чувствует себя как дома в Москве и в Лондоне.

Вплоть до последних двух лет ввоз «Эрвиназы» в Россию не был разрешен. Приходилось доставлять его нелегально — нередко через друзей, которые передавали лекарство врачам из рук в руки прямо в аэропортах. Чулпан и другие члены команды приложили максимум сил и энергии, чтобы изменить закон в этой части, так что сегодня ввоз препарата вполне легален. Мы отправляем его через курьерскую службу DHL, получив неотложный запрос от врача, больницы или поликлиники в России.

— **Нынешнее состояние отношений между Россией и Британией может помешать вашей работе?**

— Не знаю. Пока все идет нормально. Мы становимся на ноги в Британии, и у людей растет желание помогать нам. Но эконо-

мический кризис в России наверняка повлияет на ход событий. Определяющая разница между российскими и британскими детьми с онкозаболеваниями — это деньги, выделяемые на их лечение. В России мы до сих пор не можем оказывать должную помощь всем, кто в ней остро нуждается.

— **У вас есть сын, 24-летний Тимур, и две маленькие дочери, Итала и София, 5,5 и 4,5 лет. Как они воспринимают вашу заботу о российских детях?**

— С поддержкой и пониманием. К примеру, Тимур часто помогает как волонтер в проведении различных мероприятий, ну а малышки счастливы встречаться и играть с детьми, приезжающими в Лондон на лечение. Они могут спросить, почему их новые друзья носят маску или лежат под капельницей, но это не мешает им проводить время вместе.

— **Наверное, все труднее совмещать актерскую жизнь с благотворительной деятельностью?**

— По мере того как Gift of Life набирает обороты, у нее появляется все больше активных участников. А моя актерская миссия повышает статус организации. Сейчас я снимаюсь в российском телесериале под названием «Лондонград». Он посвящен жизни русского сообщества в британской столице. Отрадно, что в нем русские женщины представлены не так, как их стереотипно изображают в Британии, в виде проституток, перевозчиц наркотиков, охотниц за богатыми мужьями и т. д. На этот раз достанется английской публике!

— **И какая же роль выпала вам?**

— Я хирург. Хирург «милостью Божией», по определению моего экранного босса. Занятно взглянуть на это через призму благотворительности, которой я занимаюсь. Вообще, реальная жизнь и искусство, возможно, ближе друг к другу, чем кажется.

13 января 2015 года фонд Gift of Life в четвертый раз провел благотворительный вечер и аукцион в пользу подопечных российского фонда «Подари жизнь» в отеле «Савой» в Лондоне. Было собрано более 500 тысяч фунтов (более 49 миллионов рублей) в помощь детям с онкологическими и гематологическими заболеваниями.

Фото слева направо сверху вниз:
Актёр Игорь Верник и художник Эрик Булатов.

Актёр, писатель Стивен Фрай и актриса Джастин Уодделл.

Телеведущий Владимир Познер.

Актриса Ингеборга Дапкунайте.

Чулпан Хаматова и подопечная фонда Рита Хайруллина.

Дина Корзун, ее муж Луи Франк и сын Тимур.

Танцуют звезды мирового балета Наталья Осипова и Сергей Полунин.

Музей на все времена

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ: УВЕРЕННАЯ ПОСТУПЬ ВЕЛИКОГО МУЗЕЯ
ИЗ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЭРУ ИНТЕРНЕТА И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Нил МАКГРЕГОР (Neil MacGregor), директор Британского музея,

председатель Международного консультативного совета Государственного Эрмитажа. Фото: Валерий Зубаров, Светлана Рагина

250-летие Эрмитажа — важная веха для всего мира. Этот великий музей-дворец не только самое восхитительное музейное здание на планете. Он также источник вдохновения для всех музеев. Это место, где великие произведения мирового искусства представлены миру.

Директор Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский — наш уважаемый коллега, давний и близкий друг Британского музея. Многие наши кураторы в Лондоне и Санкт-Петербурге общаются на протяжении многих лет.

Нас связывают не просто отношения личной приязни — наши музейные дома всегда были близки друг к другу. А в самом начале они вообще чуть не стали единым целым благодаря сэру Гансу Слоану (Hans Sloane), основателю коллекции Британ-

ского музея. Перед смертью в 1753 году он предлагал выставить свою коллекцию на обозрение публики в британском парламенте. В случае если парламент не пожелает принять ее, Слоан считал необходимым передать коллекцию Санкт-Петербургу. Так что Британский музей вполне мог появиться на берегах Невы.

В конце прошлого года наш музей был горд и рад одолжить один из своих шедевров Государственному Эрмитажу в рамках празднования его юбилея. Мраморная фигура с западного фронтона Парфенона, изготовленная в мастерской скульптора Фидия в 438–432 годах до нашей эры, была выставлена в Римском дворике Нового Эрмитажа.

Эта скульптура, сравнимая с творениями Микеланджело, как подобает великому произведению искусства, слу-

Наследие

жит выражением идеи. Она представляет Илоссос, реку около древних Афин, где, как говорит нам Платон, Сократ обсуждал с Федром значение красоты и нравственность любви. Тем самым скульптура воплощает высокие идеалы европейской цивилизации, ценности древних Афин и устремления восемнадцатого столетия, известного как эпоха Просвещения.

Эрмитаж как раз и являет собой нетленное достижение европейского Просвещения. Как сказал о нем один из наших почитателей, скульптор Энтони Гормли (Anthony Gormley), «за 250 лет своей истории он принес утешение красоты в беспокойный мир». Более того, Эрмитаж укрепляет нашу веру в то, что есть международное сообщество, к которому мы все принадлежим, Республика культуры, чьими гражданами мы являемся, невзирая на любые разногласия между правительствами. Этот идеал нуждается в защите, особенно во времена международной напряженности. И профессор Пиотровский сегодня выступает как самый смелый и деятельный поборник этой миссии.

Когда меня спрашивают о моем любимом зале или картине в Эрмитаже, не боюсь показаться банальным, — «Возвращение блудного сына» Рембрандта. Эту картину нельзя не любить, настолько она грандиозна. Именно на нее я всегда бросаю последний взгляд, покидая Эрмитаж.

Меня восхищают и другие вещи, которыми не располагает Британский музей. В первую очередь назову Римский дворик Нового Эрмитажа, где и открылась упомянутая выставка, — лучшие в мире залы для демонстрации древней скульптуры.

В Британском музее тоже есть вещи, вызывающие у нас особую гордость. Прежде всего это зал Месопотамии — Ассирии с великими скульптурами из Ниневии, поистине выдающиеся музейные сокровища.

Почетители Британского музея, которым доверена его коллекция, убеждены в том, что шедевры мировой культуры должны быть доступны для людей всего мира. Почетители счастливы тем, что эта прекрасная скульптура станет объектом наслаждения для российской публики.

Сэр Ричард ЛАМБЕРТ (Richard Lambert),
председатель попечительского совета
Британского музея.

Нил МакГрегор рядом с «шедевром Британского музея» в Римском дворике Государственного Эрмитажа.

Фото на странице 16:
У картины Рембрандта
«Возвращение блудного сына».

Музей
История
Музей
Музей

Наследие

Для меня, безусловно, большая честь и удовольствие быть председателем Международного консультативного совета Эрмитажа. Наша задача — обсуждать вопросы, которые беспокоят Михаила Пиотровского и Эрмитаж, особенно проблемы, присущие всем большим музеям мира. Такие встречи дают возможность наметить различные пути решения одной и той же проблемы.

Мы также пытаемся обсуждать конкретные проблемы, с которыми Эрмитаж может столкнуться в ближайшие годы. Например, у нас шла речь о будущем здания Главного штаба, когда еще не было ясно, что следует экспонировать в его залах. Консультативный совет высказал убеждение, что появился

шанс выставить картины из коллекций Шукина и Морозова в галереях с естественным освещением. Именно так и случилось.

Британский музей и Эрмитаж как два первых музея эпохи Просвещения можно считать близнецами. Мы даже отчасти гордимся тем, что являемся чуть более «старшим братом», но лишь потому, что это дает нам право первыми высказать наши самые сердечные поздравления с 250-летием Эрмитажа.

По мере того как он уверенно вступает в эру Интернета и цифровых технологий, надеюсь, что наслаждаться его сокровищами смогут люди по всей планете.

Да здравствует Эрмитаж на все времена!

Нил МакГрегор и Михаил Пиотровский: между нами, директорами...

Галерея памяти Сергея Шукина и братьев Морозовых в дневном свете.

Фото на странице 18:
Римский дворик Нового Эрмитажа.

Возвращение в Хоутон

ЭРМИТАЖНЫЕ ВЫСТАВКИ ШАГАЮТ ПО БРИТАНИИ

Джеральдин НОРМАН (Jeraldine Norman), советник директора Государственного Эрмитажа

Иллюстрации: Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото: Джон Бодкин, Валерий Зубаров, Евгений Синявер

В 2000 году открылась новая страничка в отношениях между Эрмитажем и Великобританией — в лондонском Сомерсет-хаусе, при поддержке лорда Ротшильда и его друзей, появилось необычное выставочное пространство, так называемые Эрмитажные комнаты. Одним из почитателей Фонда развития Эрмитажа, созданного Ротшильдом, стал его кузен лорд Чамли (Чолмондели).

Особый интерес Дэвида Чамли к Эрмитажу имел основания — в 1779 году Екатерина Великая приобрела коллекцию картин у одного из его предков. Именно этот факт был толчком к проведению, пожалуй, самой невероятной выставки всех времен — «Возвращение в Хоутон». Картины, некогда купленные в Британии, вернулись на несколько месяцев. Дом лорда Чамли, Хоутон-холл в графстве Норфолк, был построен его предком, сэром Робертом Уолполом, первым премьер-

министром страны и выдающимся собирателем живописи. Великолепный дворец в стиле Палладио, со всех сторон окруженный парками, создавали ведущие архитекторы того времени. Дизайн интерьеров выполнил Уильям Кент.

Включив в интерьер изысканную мебель и скульптуры работы Джона Майкла Райсбрака, Кент представил также и план развески картин в главной гостиной и картинной галерее. Он уже был знаком с коллекцией, которая размещалась в резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит. Его схема развески была сродни четкой инструкции. Поразительный факт: организаторам выставки «Возвращение в Хоутон» удалось вернуть картины точно на их прежние места.

По странной прихоти истории в XIX веке дом-дворец практически не использовался, хотя после победы в Ватерлоо

в 1815-м его предлагали герцогу Веллингтонскому как приношение от благодарного народа. Это означало, что вся обстановка была сохранена, сочетание мебели и картин переносило посетителей непосредственно в 1720-е годы.

Выставка «Возвращение в Хоутон» проходила летом и осенью 2013-го — из-за огромной популярности она была продлена на два месяца, до конца ноября. Ее посетили 115 тысяч человек, притом что в обычный летний сезон, когда проживающий там с семьей лорд Чамли открывает двери своего дворца для публики, он принимает около 8 тысяч посетителей.

Идея проведения выставки принадлежала Тьерри Морелю, историку искусств и бывшему директору Фонда британских друзей Эрмитажа в Лондоне. Убедив лорда Чамли (что

Один из залов Хоутона.

Портрет сэра Роберта Уолпола.
С любезного разрешения маркиза Чамли.

Фото на странице 20:
Дворец Хоутон в графстве Норфолк.
С любезного разрешения маркиза Чамли.

Символический дар: перед открытием выставки лорд Чамли преподносит Михаилу Пиотровскому макет Хоутона. Государственный Эрмитаж, 27 марта 2013 г.

Знаменитый «Портрет сэра Томаса Уортона» кисти Антониуса ван Дейка вернулся из Эрмитажа на время выставки на южную стену мраморной гостиной Хоутона.

Фото на странице 23: Зал Карло Маратта в Хоутоне — таким он был при сэре Уолполе.

было нетрудно!), он провел переговоры с Эрмитажем и проследил пути других картин из Хоутона, переставших быть частью музейной коллекции. Великого Веласкеса, проданного Сталиным в 1930-х годах, он привез из Национальной галереи Вашингтона, потолочную композицию «Суд Париса» Карло Маратта — из дворца Царского Села под Петербургом, обсудил условия предоставления картин для выставки с Музеем изобразительных искусств имени Пушкина в Москве и музеем-заповедником «Павловск».

Но основная часть коллекции Уолпола все-таки оставалась в Эрмитаже. «Святое семейство» Пуссена заключили в его оригинальную раму, которая никогда не покидала «Спальню с вышивкой» в Хоутоне. Две замечательные работы Ван Дейка вернулись в Мраморную гостиную. Восемь работ Карло Маратта, любимого художника сэра Роберта,

нашли «свой» зал Карло Маратта. Всего из Эрмитажа было привезено 42 картины, почти все они живописные шедевры.

Директор Эрмитажа профессор Михаил Пиотровский, питая симпатию к лорду Чамли, идею выставки одобрил. Как раз в ту пору, когда в лондонском Сомерсет-хаусе открылись Эрмитажные комнаты, он посетил Хоутон с неформальным визитом и был очарован увиденным. Впервые российский государственный музей получил разрешение одолжить предметы своей коллекции частному дому — не кто иной, как Пиотровский этого добился.

Понятно, что подобная выставка нуждалась в серьезных спонсорах. Главным из них стала компания ВР, уже имевшая серьезные деловые интересы в России. Ее примеру последовал Международный аукционный дом Christie's — в 1779 году именно Джеймс Кристи организовал продажу коллекции Уол-

Еще два эрмитажных шедевра, совершивших возвращение в Хоутон:

Антонис ван Дейк. «Портрет Генри Денверса, графа Денби» (слева) и Николая Пуссен. «Святое семейство».

пола Екатерине II. К проекту подключилась дюжина частных фондов и отдельных личностей, поддержавших идею выставки.

После такого события естественно ожидать следующей сенсации с участием Эрмитажа в Британии. Тьерри Морель обещает, что ею станет выставка «Фрэнсис Бэкон и Мастера», сочетающая классические шедевры с работами современного художника, каковым является Бэкон. Она откроется в Центре визуальных искусств Сейнсбери в Норвиче 17 апреля 2015 года и объединит искусство из трех источников: творения самого Бэкона, хранящиеся в Центре Сейнсбери, шедевры из Эрмитажа и фотографии, каталоги и рисунки из студии Фрэнсиса Бэкона — их подарили галерее Дублина его наследник Джон Эдвардс и исполнитель завещания Брайан Кларк в 1998 году.

Сэр Роберт Сейнсбери и его жена Лиза, в честь которых назван центр, были не только страстными поклонниками Бэкона, но и его друзьями. Недаром в их коллекции насчитывается 13 работ Бэкона, в основном семейных портретов. К ядру выставки добавятся работы из галереи Тейт, «Вопящий Папа» из Абердина и другие — всего 25 произведений.

В самом же Эрмитаже эта выставка, о которой многие годы мечтал профессор Пиотровский, открылась 6 декабря 2014 года в рамках программы празднования 250-летия музея. Его история ведет отсчет с первого крупного приобретения картин Екатериной Великой в 1764 году, превратившего ее дворец в музей. Тогда она купила 225 великолепных работ старых мастеров у берлинского дилера Иоганна Гоцковского — их собирали как коллекцию для Фридриха Великого, который тогда не смог заплатить за нее.

Культурные связи Эрмитажа и Британии носят двусторонний характер. Директор Британского музея Нил МакГрегор был членом Международного консультативного совета Эрмитажа с момента его создания в 1994 году, а в 2000-м возглавил

его. В 2012 году МакГрегор привез совет попечителей своего музея в полном составе в Санкт-Петербург на открытие выставки Британского музея «Медали бесчестия».

Эта выставка отражала британскую приверженность к противоречиям. Медали, как правило, ассоциируются с героизмом и достижениями. Но куратор по медалям Британского музея Филипп Этвуд вместе с художницей Фелисити Пауэлл обнаружили небольшую группу исторических медалей, посвященных финансовым скандалам и политической коррупции. Они стали основой показа, получив подкрепление в виде медалей, выполненных современными художниками, включая

Джека и Диноса Чепменов, Илью и Эмилию Кабаковых, Ланглендса и Белла. Этот межмузейный обмен щедро финансировали Лорен Бон, внучка Уолтера Анненберга, и Фонд Анненберга.

Впереди новые совместные проекты. Фонд британских друзей Эрмитажа, основанный в 2003 году как своего рода культурный миссионер, способствует организации британских выставок в Санкт-Петербурге и выставок из Эрмитажа в своей стране. Следующим летом в Эрмитаже сразу на трех площадках планируется выставка работ Захи Хаид, блестящего архитектора, работающего в Британии. Не пропустите!

Куратор выставки «Фрэнсис Бэкон и наследие прошлого» д-р Тьерри Морель на ее открытии в Государственном Эрмитаже. 6 декабря 2014 г.

Фрэнсис Бэкон. Этюд к портрету Ван Гога I. Из коллекции Роберта и Лизы Сейнсбери.

С зеленой лягушкой

«РУССКИЙ СЕРВИЗ» ДЖОЗАЙИ ВЕДЖВУДА И БРИТАНСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Лидия ЛЯХОВА. Иллюстрации: The Burgh House Trust, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото: А. А. Пахомов, К. В. Синявский, С. В. Суетова

В 1906 году известный историк искусства и эксперт Джордж Чарльз Уильямсон (George Charles Williamson, 1858–1942) приобрел особняк Бург-Хаус (Burgh House) в Хэмпстеде, престижном районе в окрестностях Лондона. Дом из красного кирпича был построен еще в начале XVIII столетия, когда Хэмпстед, славившийся своими минеральными источниками, считался едва ли не лучшим курортом Британии. В первой трети XIX века здесь, в пригороде британской столицы, жили знаменитый поэт-романтик Джон Китс и один из самых английских пейзажистов Джон Констебл, многократно запечатлевший эти живописные места в своих работах. С 1860-х годов, благодаря открытию железной дороги, связавшей лондонскую «деревню» с центром столицы, Хэмпстед превращается в фешенебельный район большого Лондона. В начале XX века сюда стремятся не только британцы, но и

заезжие знаменитости. В 1912 году дом в Хэмпстеде приобрела великая русская балерина Анна Павлова. Еще раньше, в 1910 году, тут же, в поместье Кенвуд, обосновался великий князь Михаил Михайлович (кузен российского императора Александра III) со своей женой Софьей Николаевной, внучкой А. С. Пушкина.

Дж. Ч. Уильямсон прожил в Бург-Хаусе семнадцать лет, до 1924 года. За это время он не только успел нанять Гертруду Джекилл (Gertrude Jekyll), одного из лучших ландшафтных дизайнеров для перепланировки сада, но и всерьез увлекся историей Хэмпстеда. Ему, настоящему эрудиту-гуманитарию, было известно о том, что в 1774 году британский керамист Джозайя Веджвуд (Josiah Wedgwood) выполнил по заказу российской императрицы Екатерины II, пожалуй, самый необычный в истории керамического искусства столовый сервиз. Сиятельная заказчица пожела-

Наследие

ла увидеть на предметах одного ансамбля множество топографически точных и не повторяющихся видов Британии. Иными словами, предпринять путешествие к берегам Альбиона, не только не покидая пределов своих обширных владений, но и не выезжая из окрестностей Санкт-Петербурга.

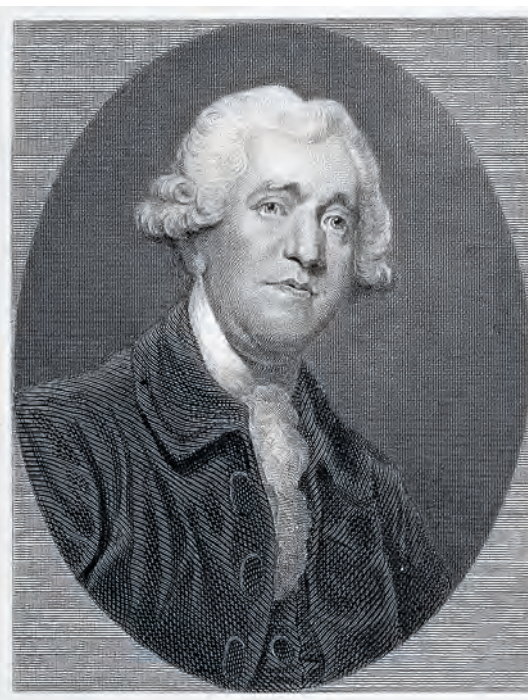
Заказ был, несомненно, инспирирован «философскими письмами» Вольтера, которые определили отношение всей Европы к Британии как к оплоту просвещенности и либерализма. Большой фаянсовый сервиз (680 предметов входило в обеденный комплект и 264 — в десертный) стал своего рода путеводителем, иллюстрированным каталогом британских достопримечательностей. В него входили 1222 пейзажные композиции, пронумерованные (темно-коричневой краской на обороте каждого изделия) в соответствии

Фото на странице 26:

Бург-Хаус в наши дни практически не изменился.

Джордж Уильямсон в своей библиотеке в Бург-Хаусе.
Рождественская открытка, посланная им в 1907 году.

Джозайя Веджвуд и виды его поместья Этрурия (слева) и внутреннего двора расположенной в нем фабрики.

Из книги Jewitt L. The Wedgwoods: being a life of Josiah Wedgwood. London, 1865.

с нумерацией в рукописном каталоге, включавшем названия всех видов. Последний был составлен для Екатерины партнером Веджвуда — Томасом Бентли (Thomas Bentley).

Художники веджвудовской живописной мастерской в Челси (где декорировались предметы сервиза) пользовались в основном опубликованными графическими источниками. Однако они отнюдь не стремились буквально воспроизводить гравюры или даже специально выполненные рисунки, имевшиеся в их распоряжении. Часто предпочтение отдавалось тем архитектурным или ландшафтным мотивам, которые находились на периферии исходных графических композиций и лишь теперь под кистью живописцев веджвудовской мастерской приобретали изначальное очарование и самобытность.

Веджвуд называл свое необычное творение «Русским сервизом». Звучит парадоксально, но именно «Русский сервиз» смог стать для англичанина Дж. Ч. Уильямсона бесценным источником иконографических материалов по отечественной, британской истории, например сведений о том, как в XVIII столетии выглядел милый его сердцу Хэмпстед. Как истовый викторианец, Уильямсон, не колеблясь, связался с российским министерством Императорского двора и, получив разрешение на проведение изысканий, прибыл в Санкт-Петербург. Сервиз в начале XX века хранился в кладовой Английского дворца в Петергофе. Чтобы увидеть и изучить памятник, английскому исследователю потребовалась личная помощь обер-гофмаршала Императорского двора, графа Павла Бенкендорфа. Энергичный британец не толь-

Наследие

Предметы сервиза — наглядные пособия по краеведению Британии.

Слева направо сверху вниз:
глубокая тарелка с видом
замка Суонси, Уэльс,

мороженица с видом замка Ричмонд
(Йоркшир) и Милтонского аббатства
(Дорсет) — фрагмент и общий вид,

треугольный лоток с видом
горы Святого Михаила, Корнуолл.

Компьютеры с видами Виндзорского замка, Беркшир (сверху) и Шагборо-Парк, Стаффордшир.

ко обнаружил неожиданно большое количество исторически значимых видов Хэмпстеда (двадцать пейзажных композиций), но и уникальный иконографический материал по истории огромного числа британских архитектурных и ландшафтных памятников.

Изыскания вылились в фундаментальную публикацию, вышедшую в 1909 году в Лондоне под названием: «Императорский русский обеденный сервиз: История знаменитого творения Джозайи Веджвуда» (*The Imperial Russian Dinner Service: A Story of a Famous Work by Josiah Wedgwood*). Фотографии, иллюстрирующие книгу, были выполнены по личному распоряжению императора Николая II. Исследования Уильямсона и выход в свет его книги не только способствовали тому, что уникальный ансамбль был достойно экспонирован в петергофском Английском дворце в соответствии с правилами и вкусом того времени, но и обеспечили веджвудскому шедевру возможность вновь побывать на своей родине. Публикация Уильямсона была приурочена к выставке 1909 года в Лондоне, посвященной 150-летию с начала са-

мостоятельной деятельности великого британского керамиста. И тогда во второй раз (впервые это произошло еще в 1774 году) часть сервиза была представлена в выставочном салоне фирмы Веджвуд, что вызвало заметный общественный резонанс.

В 1912 году стараниями архитектора Павла Марсеру и Сергея Тройницкого, будущего директора Государственного Эрмитажа, выставка изделий фирмы Веджвуд впервые открылась в России, в петербургской Императорской академии художеств. Экспозиция состояла из двух разделов: современной продукции и ретроспективного, что позволяло проследить преемственность в искусстве. Предметы из знаменитого веджвудовского сервиза стали центральными экспонатами ретроспективного отдела. Именно после этой выставки основная часть сервиза, находившаяся в Английском дворце, была передана в Императорский Эрмитаж.

В это время сервиз уже не называли «русским». В императорских сервизных кладовых было слишком много «обрусевшего» фарфора и керамики европейского (саксонского, прусского, австрийского, французского) происхождения. С 1910 года за веджвудовским фаянсовым ансамблем закрепилось название «Сервиз с зеленой лягушкой». Необычный комплект английской керамики был заказан для необычного Английского дворца Екатерины II. Треугольный дворец-замок, построенный архитектором Юрием Фельтеном в неоготическом стиле в 1774–1777 годах, располагался в болотистой местности у дороги, связывавшей Петербург с Царским Селом — летней резиденцией двора. Екатерина называла это место *La Grenouillère* (фр. «лягушачье болото»). С подачи императрицы забавная лягушка в гербовом щитке (изображенная на каждом изделии) стала эмблемой сервиза, заказанного для дворца, построенного на болоте. Под названием «Сервиз с зеленой лягушкой» этот выдающийся памятник британского искусства (а также яркое свидетельство интенсивности русско-британских культурных контактов) и вошел в коллекцию Императорского Эрмитажа, став признанным шедевром музейного собрания.

Глазами ребенка

БРИТАНКА МАРДЖИ КИНМОНТ (Margy Kinmonth) СНЯЛА ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ
О 250-ЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ ЗНАМЕНИТОГО МУЗЕЯ

Мария ПАШОЛОК (Лондон). Фото: © www.foxtrotfilms.com

В мировой прокат вышел полнометражный документальный фильм британского режиссера Марджи Кинмонт «Открытая Эрмитаж» (Hermitage Revealed), приуроченный к 250-летию легендарного музея. Мы встретились с Марджи в студии Foxtrot Films, где она готовила сокращенную версию фильма для трансляции на BBC, чтобы расспросить о съемочном процессе, отношениях с директором Эрмитажа Михаилом Пиотровским и котах в музейных подвалах.

Выяснилось, что к созданию ленты, охватывающей историю музея, Марджи Кинмонт подтолкнул сам Пиотровский. Он был так впечатлен фильмом Марджи, посвященным Мариинскому театру (который она сделала несколько лет назад в сотрудничестве с Валерием Гергиевым), что предложил режиссеру снять аналогичную картину и об Эрмитаже.

— Мне это, конечно, польстило, — вспоминает Марджи, — хотя изначально я была весьма скептически настроена, ведь одно дело — фильм о театре, балете, опере, где все движется, живет, танцует в буквальном смысле слова, и совсем другое — о статичном музее.

Впрочем, колебалась Марджи недолго. Впервые попав в Россию в середине 1980-х, она была очарована русским искусством, и постепенно это увлечение переросло в профессию. Кроме ленты «Мариинский театр, 1783–2008», в ее фильмографии есть работы, посвященные Рудольфу Нурееву, Чайковскому и балету «Щелкунчик».

Итак, один из самых великих музеев мира, два с половиной века истории, три миллиона уникальных произведений искусства, три революции, 900 дней блокады в годы Второй мировой

Голландский художник Эрик ван Лисхаут попал в фильм благодаря эрмитажным котам.

На фото справа:
Рабочий момент. Марджи и главный оператор Максим Тарасюгин.

войны, три миллиона посетителей ежегодно — перед режиссером стояла, казалось, невыполнимая задача уместить «Вселенную Эрмитажа» в полуторачасовой фильм.

— Я понятия не имела, с чего начать! — восклицает Марджи. — Именно поэтому в музее мне нужен был проход всюду, особенно там, куда не пускают обычных посетителей. Мне были интересны подвалы, хранилища, архивы, реставрационные мастерские, экспозиции, все эти маленькие дверцы и спиральные лестницы, столовые, отопительные помещения и кабинет директора, конечно.

Так она стала первым иностранным режиссером с беспрецедентным правом доступа к тайнам огромного музея, и правом этим воспользовалась сполна:

— Многое меня удивило. Например, столовая. К сожалению, отснятые в ней кадры не вошли в фильм, но мне там так понравилось! Возможно, это взгляд иностранца, но все, что я там увидела: сотрудники, их общение, интерьеры, сервис, — показалось мне экзотичным островком советского прошлого. Потом меня отвели в подвальные помещения, где пролегают отопитель-

ные трубы и обитают целые колонии кошек. Они живут там уже очень долго и стали одной из эрмитажных знаменитостей. Голландский художник Эрик ван Лисхаут (Erik van Lieshout) решил даже построить для них новый дом и снял об этом видео, которое демонстрировалось минувшим летом на биеннале современного искусства «Манифеста 10» в Эрмитаже. Еще одна поразившая меня особенность — выставка ледяных скульптур для детей во дворе Эрмитажа. На ее открытие пришел профессор Пиотровский и уделил ей такое же внимание, как выставке Рембрандта или Рафаэля. Дети были, конечно, в восторге. Наконец, вы знаете, что в Эрмитаже есть собственное почтовое отделение?

Из таких открытий, больших и маленьких, из интервью с кураторами коллекций и самим Пиотровским сложилась концепция фильма: показать, что Эрмитаж — это город в городе, государство в государстве.

— Визуально и концептуально ключевым для меня стало главное здание музея, — рассказывает режиссер. — Это импера-

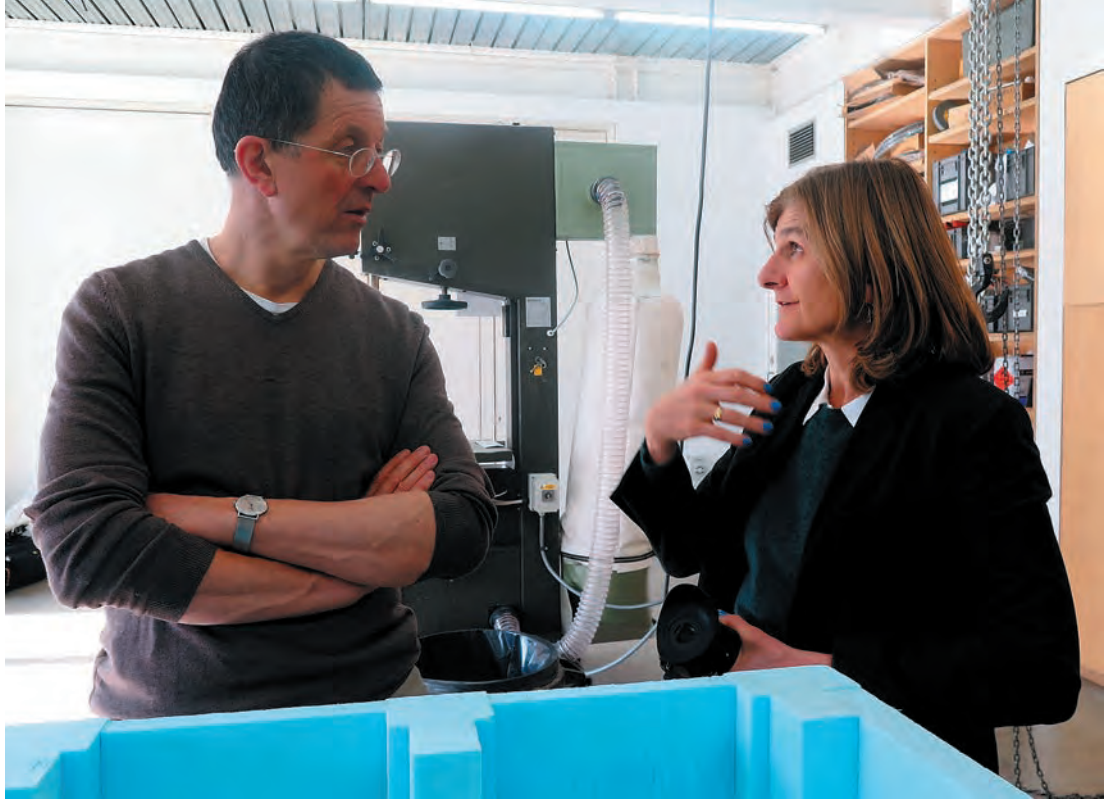
торский Зимний дворец, где музей родился волей Екатерины Великой (хотя с годами к нему прибавились еще несколько зданий). Он пережил смену политических режимов, революции, войны, менял окраску фасада и все же остался прежним — настоящим символом Петербурга.

Зимний дворец — пожалуй, единственное, что объединяет исторические пласты фильма. Для путешествия во времени использовались разные технические приемы. Так, все, что относится к прошлому, снято в технике Steadicam в безлюдном музее. Камера плавно скользит по пустым залам, в мельчайших подробностях показывая важнейшие экспонаты, позволяя разглядеть детали археологических находок, картин, скульптур в лучшем свете.

— Со светом, впрочем, были проблемы, — уточняет Марджи. — Мы снимали зимой, и если обычно я начинаю съемочный день в 6 утра, то в Петербурге светало только в 10:30, а по разным причинам мы часто начинали на полчаса позже. Таким образом, оставалось менее пяти часов для съемок. Но у меня была замечательная съемочная группа, все из России, и мы отлично с ними сработались.

В объектив попали парадный портрет Екатерины Великой и... часть коллекции ее камеи из запасников музея.

Наблюдая за «маленьким Пиотровским».

Современный, но уже признанный великим британский скульптор Энтони Гормли (Antony Gormley), показавший свое искусство в Эрмитаже в контексте классического на выставке «Во весь рост» (Still Standing), также высказал мнение о музее.

*Фильм создан при поддержке
Благотворительного фонда
Владимира Потанина.*

Фото на странице 35:
Запечатлеть «Три грации» Кановы.

Что касается съемок современной жизни музея, то для них режиссер выбрала технику Timelapse, дающую эффект ускорения движения:

— С ее помощью я хотела показать, как перемещаются по Эрмитажу посетители. Ведь они двигаются не так, как императоры и императрицы. Это новое время, новая динамика. Кроме того, мы наблюдаем за тем, как ведут себя дети в музее. В Эрмитаже всегда много детей, и надо признать, русские дети гораздо воспитаннее европейских. А я знаю, как важно для Пиотровского присутствие в музее детей. Он ведь сам вырос и даже сделал первые шаги в этом музее, директором которого когда-то был его отец, известный ученый-востоковед Борис Пиотровский.

Режиссера настолько вдохновила личная история Пиотровского, что из нее родился основной прием фильма: в картине появился неожиданный герой — четырехлетний мальчик, который сопровождает зрителей на протяжении всей ленты. Этот мальчик, Семен Иванов, был выбран на роль после кастинга и оказался поистине трудным ребенком для режиссера.

— Дети всегда непредсказуемы; тем сложнее было работать с мальчуганом, который не понимал английского, а мой русский был не столь хорош, чтобы объяснять ему, чего именно я хочу в той или иной сцене. В конце концов я решила просто пустить его в музей и понаблюдать за ним. И он повел нас в свой Эрмитаж, а наша камера следовала за ним. Дети ведь очень непосредственны, они не читают надписей и смотрят на все своими глазами. И если ребенок видит квадратики паркета, он начинает по ним прыгать. Я хотела, чтобы это был такой танец, — говорит Марджи.

К слову, эти кадры очень понравились Михаилу Борисовичу. И не только они. После первого публичного просмотра фильма в Санкт-Петербурге ко мне подходили зрители и рассказывали, как они попали в Эрмитаж в первый раз. Это же поистине волшебное место, которое притягивает к себе каждого. И у каждого свой Эрмитаж.

Похоже, после выхода фильма в прокат таких «персональных Эрмитажей» станет намного больше. Фильм имел огромный для своего жанра успех, был номинирован на премию Британской киноакадемии BAFTA и открыл новую нишу — «живой музей», как говорит Марджи Кинмонт. Картина вышла на экраны в тридцати странах, в итальянском прокате обогнала голливудские блокбастеры.

— По-моему, прекрасно, когда люди идут смотреть на искусство в кино, — заключает режиссер. — У зрителя появилась возможность увидеть картины Рембрандта, которые, может быть, никогда не покинут Россию (они даже не попали на выставку в Национальной галерее в Лондоне, открывшуюся в октябре 2014 года), а в моем фильме они есть! Изначально мои потенциальные спонсоры полагали, что мало кто заинтересуется прошлым и настоящим пусть даже великого музея до такой степени, чтобы пойти на полуторачасовой фильм о нем. Я доказала обратное.

Занесли дыню в город

РЕГБИСТЫ ИЗ ОКСФОРДА ПОЗНИМАЛИСЬ С КОЛЛЕГАМИ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Евгений ГОЛУБЕВ. Фото: Михаил Волков, Константин Петров, Екатерина Ковалева

Такого накала страстей поклонники регби в Петербурге не припомнят: стадион «Кировец» был полон, новые и новые болельщики подходили во время матча, и больше тысячи глоток скандировали: «У-ни-вер, да-вай!», «Впе-ред, У-ни-вер!»

Но, кажется, эти призывы относились к обеим командам. Ведь противником парней из Санкт-Петербургского государственного университета была студенческая сборная знаменитого Оксфорда! Первый визит делегации регбийного клуба Оксфордского университета (Oxford University Rugby Football Club, OURFC) в Санкт-Петербург вполне можно назвать историческим.

Казалось бы, зачем одной из сильнейших любительских команд Европы встречаться с заведомо более слабым противником? На стороне британцев и опыт, и традиции. Уильям Уэбб Эллис (William Webb Ellis), который считается изобретателем регби, — в ходе фут-

больного матча 6 апреля 1823 года в г. Регби он, нарушив правила, схватил мяч и побежал с ним вперед, к «городу» соперника, — был студентом оксфордского Брейзноуз колледжа (Brasenose College). Регбийная команда в университете появилась в 1869 году. Сегодня оксфордские любители успешно противостоят профессионалам из других стран, хотя сборной России в 2014 году все же уступили.

— Наша команда обновилась, ребятам нужно сыгратся, — объяснил Тим Стивенс (Tim Stevens), генеральный менеджер регбийного клуба OURFC. — В начале декабря нас ожидает очередная битва с Кембриджем. Мы соперничаем уже больше ста лет: 51 победа у Кембриджа, 47 — у Оксфорда, 14 — ничьих. Последние четыре года побеждает Оксфорд, но никто еще не выигрывал пять раз подряд. Надо хорошо подготовиться, и мы используем все возможности. В прошлом году перед матчем с Кембриджем провели

Пресс-секретарь СПбГУ профессор Алексей Заварзин (в центре) провел для гостей небольшую экскурсию по университету. Парни из Оксфорда весьма вольготно чувствовали себя в знаменитом коридоре главного здания.

Визит команды из Оксфорда в Петербург был организован при поддержке Федерации регби Санкт-Петербурга.

Фото на странице 36:
Фрагмент памятника Уильяму Уэббу Эллису у колледжа Rugby School.

восемь игр, а в нынешнем сезоне эта — первая. И мы слышали, что в Санкт-Петербургском университете сильная команда.

Действительно, студенческая команда по регби СПбГУ — старейшая в Петербурге. Правда, создана она на столетие позже британской, в 1962 году. В Великобритании регби — национальный вид спорта, мальчишки гоняют дынеобразный мяч с детства, как наши — круглый футбольный. В каждой школе, каждом колледже и университете обязательно есть команда по регби. А на весь Петербург — три детские команды и восемь университетских. Сборная СПбГУ — неоднократный победитель первенства вузов Санкт-Петербурга, участвует в чемпионатах России, города, международных студенческих турнирах. Вдобавок соперничает с МГУ — как Оксфорд с Кембриджем.

— Для наших ребят матч с командой из Оксфорда — учебный, — отметил тренер университетской команды, старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта СПбГУ Александр

Заря. — Стоит допустить ошибку в игре с таким противником, тот сразу накажет результативной атакой. И поверьте, эти свои ошибки игроки запомнят надолго и постараются не повторить.

Недаром в программу визита британских регбистов, кроме встречи со студентами и руководством СПбГУ и знакомства с Санкт-Петербургом, были включены совместные тренировки с хозяевами. Гости показали, как они разминаются, как отрабатывают приемы коллективной борьбы, защиты и нападения, как перестраиваются во время игры. А наставники британской команды провели показательные тренировки с петербургскими спортсменами.

Глядя на рослых парней, большинство из которых впервые приехали в Петербург, не скажешь, что это студенты и аспиранты. Специализация у них разная: история, химия, антропология, инженерные науки, социология, экономика и менеджмент, клиническая медицина, география, математика, океанография; возраст — от 18 до 28 лет. Третьекурсник Мэтт Дженни (Matt Janney) выступал еще и в роли пе-

Перекрестки

реводчика. По словам Мэтта, желание изучать русский язык у него возникло благодаря интересу к русской истории и литературе.

В команде СПбГУ тоже студенты разных факультетов: философы, политологи, прикладные математики, географы, экономисты, социологи. Но профессионального влечения, к примеру, математиков или социологов из обеих команд не возникло из-за недостатка времени — больше общались на тему регби. А во время третьего тайма (это одна из традиций регби во всем мире: после игры недавние соперники обязательно собираются за пивом) обсуждали острые эпизоды матча.

Два самых важных момента для команды СПбГУ случились во втором тайме. Первый: когда наши могли, но не сумели занести мяч в «город» соперника. Второй: когда британцы нарушили правила в своей зоне. Наши выбрали удар по воротам. Сергей Гресеv попал в створ! Этот удар спас петербуржцев от проигрыша всухую.

— Игра получилась красивая, быстрая, техничная, — отметил тренер Александр Заря. — Британские игроки физически сильнее наших, но играли не грубо, хотя именно в борьбе нередко отнимали мяч. Были жесткие захваты, но ни сильных ушибов, ни травм. А счет не такой уж большой, если учесть, что за один занос мяча в «город» противника команда может получить до семи очков.

Конечно, тренер вправе был сетовать на разницу в классе. С его точки зрения, у гостей главное — коллективное взаимодействие на поле, розыгрыш комбинаций, тогда как мы по-прежнему на этапе индивидуальной подготовки игроков.

— Причина, — продолжал Александр Заря, — коренится в отношении к этому виду спорта в Великобритании и России. У них мальчишки играют в регби с детства, каждую неделю видят матчи на телеэкране, выступают за клубы еще в школе. А для нас регби — все еще экзотика. Мы в университете начинаем обучать студентов игре в регби с нуля. К 4–5-му курсу они только-только начинают постигать ее по-настоящему. А у них тренеры вузовских команд выбирают лучших — среди первокурсников.

— Перед матчем мы не знали, чего ожидать от петербуржцев. Они оказались мощными, хорошо подготовленными технически, держались до последнего, — отметил капитан команды из Оксфорда Санди Макдональд (Alexander MacDonald). — Возможно, ребятам нужно больше изучать иностранный регбийный опыт, приглашать международных тренеров. Но у здешних игроков отличный потенциал.

После матча пресс-секретарь СПбГУ профессор Алексей Заварзин вручил команде из Оксфорда кубок со словами: «Наши университеты сотрудничают в сфере образования и науки. Возможно, ваш визит положит начало новому направлению, спортивному, а этот кубок станет переходящим».

Кстати, счет матча 81:3 в пользу Оксфорда. Но... лиха беда начало!

Если падать, то безопасно!

РУССКОЕ САМБО НАБИРАЕТ ПОПУЛЯРНОСТЬ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА

Лео МАЛИМ (Leo Malim), член исполнительного комитета Ассоциации самбо стран Британского Содружества (CSA). Фото: CSA, Светлана Рагина

Прошедший осенью в Лондоне первый в истории международный турнир на Кубок президента по самбо посетили более 1200 человек. Как случилось, что спортивная дисциплина со столетней историей, считавшаяся специфичной, нишевой, привлекла столько зрителей? Самый общий ответ: сегодня этот быстро развивающийся вид боевых искусств переживает глобальный взрыв популярности, и Британия не исключение. Попробуем разобраться подробнее.

Самбо — это борцовский поединок, главная цель которого — вывести противника из равновесия и бросить на ковер. Во многом самбо похоже на родственные виды спорта — дзюдо и борьбу, в которых победитель также определяется по сумме очков, присуждаемых в зависимости от качества атакующих действий. Однако есть существенные различия в форме одежды,

технике захватов и бросков и, кроме того, в почти неограниченных возможностях одолеть противника в борьбе лежа, используя удержания и болевые приемы на руки и ноги.

Благодаря набору этих отличий от большинства других боевых искусств самбо можно рассматривать как тотальное противостояние: поединок в стойке органично переходит в борьбу лежа и обратно. В течение пяти минут бескомпромиссной схватки практически нет остановок. Судьи не прерывают ее без достаточного повода и не навязывают сверхконтроля — они лишь следят за соблюдением правил. Наверное, все это близко британскому менталитету, хотя зародилось самбо вдали от берегов Альбиона.

В 1906 году в Токио приехал 14-летний подросток-сирота, сын русской каторжанки с Сахалина Василий Ощепков. Он по-

Перекрестки

ступил в школу дзюдо доктора Дзигоро Кано и всего за пять лет заслужил черный пояс, который вручил ему сам мастер. Тем самым Василий стал одним из четырех европейцев, достигших столь высокой квалификации. Еще через несколько лет он был востребован российским правительством для создания самой передовой системы самообороны в условиях рукопашного боя. Отсюда и сочлененное название «самбо» — САМоборона Без Оружия.

Именно в результате теоретических и практических изысканий Ощепкова появилось боевое самбо — сочетание ударных и защитных техник из всех известных видов единоборств: бокса, муай тай, карате и многих разновидностей борьбы. Особую ценность составляли приемы из арсенала национальных борцовских школ стран бывшей Российской империи. В полном смысле принятое на вооружение в Советском Союзе в 1920-е годы боевое самбо использовалось исключительно в частях специального назначения и элитных армейских подразделениях.

Постепенно развивалась и спортивная версия самбо (без ударов), превращаясь в одну из самых популярных боевых дисциплин. В этом плане Россия восприняла советские традиции. Не случайно олимпийский чемпион и неоднократный чемпион мира, президент японской Федерации дзюдо Ясухиро Ямашита заявил, что русские спортсмены преуспевают в дзюдо потому, что занимаются и самбо. На Олимпийских играх 2012 года в Лондоне он был свидетелем того, как российская команда по дзюдо завоевала семь медалей, включая три золотые.

Между тем к концу 1990-х самбо окончательно утвердилось на мировой арене. После нескольких экспериментальных турниров проводятся соревнования местного, европейского и международного калибра по двум видам самбо — боевому и спортивному. И перспективы обнадеживают: спортивное самбо включено в программу первых Европейских Олимпийских игр в Баку (Азербайджан) в 2015 году. Если так пойдет и дальше, самбо

Перекрестки

в недалеком будущем станет полноправным участником Всемирных Олимпийских игр.

В 1986 году известный борец Мартин Кларк (Martin Clarke) основал Британскую федерацию самбо. Тогда, как и в начале 1970-х, этот необычный вид спорта на родине футбола и регби назывался Sombo и даже Sambo в силу политических и лингвистических причин. Но в итоге по настоянию Международной федерации самбо (FIAS) в Великобритании утвердилось официальное название Sambo, в соответствии с русским написанием и звучанием.

...Ассоциацию самбо стран Британского Содружества (CSA), основанную в 2012 году, возглавил в качестве президента лорд Саймон Рединг (Simon Reading). Цель CSA очевидна — способствовать продвижению самбо в странах Содружества, проводя престижные турниры. Таким знаковым событием можно считать и розыгрыш Кубка президента, состоявшийся прошлой

Торжественное открытие соревнований с участием Королевского военного оркестра шотландских стрелков.

Переходящий приз был учрежден главным спонсором турнира — петербургской компанией «Ювелиры Северной столицы». Автор его проекта — генеральный директор компании Тимур Кабунаев. В состав кубка входят золото, серебро и натуральные камни: нефрит, яшма, бирюза, перламутр, родонит, берилл, лазурит, чароит, янтарь, малахит, авантюрин и жадеит — общим весом 9,8 килограмма.

Рядом с Кубком — президент Олимпийского комитета России Александр Жуков (слева) и посол России в Великобритании Александр Яковенко.

Перекрестки

Друзья-соперники
и подруги-соперницы.

Инициатором турнира на Кубок президента выступила Ассоциация самбо стран Британского Содружества. В марте 2013 года лорд Саймон Рединг выразил это пожелание британских атлетов на встрече представителей мирового самбо с президентом России, почетным президентом FIAS Владимиром Путиным, который дал согласие на проведение турнира в Лондоне.

осенью в крупнейшем торгово-развлекательном центре Лондона Bluewater. Это был турнир уровня Кубка мира — восемь стран, где хорошо развито самбо, отправили свои команды за уникальным трофеем. Зрители наблюдали не только впечатляющие поединки с участием 17 чемпионов мира, но и яркое выступление волынщиков Королевского военного оркестра шотландских стрелков. В финале Россия все-таки превзошла сильную команду Британии, которую отчаянно поддерживала публика, в том числе неравнодушные к боевым искусствам светские знаменитости Зара Питиан (Zara Phythian) и Алекс Рейд (Alex Reid).

Встреча самбистов из разных стран Британского Содружества стала весьма привлекательной приметой турнира. На нем были представлены Гана, Маврикий, Австралия, Индия, Гонконг, Сингапур, Канада, Тринидад и Тобаго — замечательный пример сближения через спорт и укрепления командного духа. Сама формула розыгрыша кубка фокусировала внимание на командах, а не отдельных спортсменах.

Кроме больших турниров, CSA проводит кампанию «Безопасное падение» (Safe Falling), обучая детей правильно падать. Эти уроки — подтверждение важной социальной миссии самбо. По данным медицинской статистики, те, кто в молодости занимался борьбой, в старости получают меньше травм при падении, что напрямую отражается на качестве жизни (имея в виду сохранение подвижности, стоимость лечения и ухода).

Самбо помогает всем — военнослужащим и полицейским, школьникам и пенсионерам, служит прекрасным дополнением к любой образовательной программе. Кроме самообороны, это еще целый ряд «само» — самочувствие, самоуважение, самоконтроль, самодисциплина, самосовершенствование. Далеко не каждое боевое искусство таит в себе столько смыслов. Можно не сомневаться, что при поддержке CSA и нынешнем всплеске общественного интереса к самбо этот вид спорта в странах Содружества станет одним из массовых.

Успех закладывается на тренировках. Президент Международной федерации самбо (FIAS) Василий Шестаков перед турниром в Лондоне встретился с участниками российской команды в детской спортивной школе в Санкт-Петербурге, директором которой он когда-то был.

Василий Шестаков, возглавляющий FIAS уже второй срок, с 2009 года, поддерживает тесные связи с британскими самбистами. Недаром он почетный гражданин Лондон-Сити. Это звание, присуждаемое с 1242 года, дает, в частности, право бесплатно перегнать овец по мосту через Темзу.

Только в России самбо занимаются около 400 тысяч человек. В мире — несколько миллионов, в чем большая заслуга российских тренеров и спортсменов. Достаточно назвать Федора Емельяненко, чьи бои ТВ транслировало на все континенты. Так, в далекой Венесуэле при государственной поддержке действуют более двадцати клубов самбо, которые посещают свыше двух тысяч человек.

Фото слева направо:

Вот оно, боевое самбо. Почувствуйте разницу со спортивным!

Украшение самбо — спортсменки.

Рисующая Россию

БРИТАНСКАЯ ХУДОЖНИЦА ДЖАНЕТ ТРЕЛОАР ЛЮБИТ АХМАТОВУ И ЗНАЕТ, ЧЕМ БЫЛА БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Юлия ЮЗЕФОВИЧ (Лондон). Фото: Ксения Комар, семейный архив Дж. Трелоар

НЕМНОГО О ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Те, кто посещал Национальную портретную галерею (National Portrait Gallery) или залы Королевской академии искусств (Royal Academy of Art), знают, что для британцев изобразительное искусство нередко было возможностью запечатлеть себя любимых во всей красоте и богатстве, свои поместья, награды, своих гонимых собак и элитных жеребцов. Российские реалии скорее могли появиться на страницах The Times в виде высококлассных карикатур, чем в картинных галереях.

Одна из тех, кто переломил тенденцию, — художница Джанет Трелоар (Janet Treloar), выросшая в графстве Корнуолл, окончившая Оксфорд, но темы для своих картин находившая за пределами Великобритании, причем последние десять лет — в России.

...В западном Корнуолле в конце XIX века, за столетия до рождения Джанет, появились две колонии британских ху-

дожников, решивших сбежать от суеты больших городов, жить на берегу океана и рисовать в свое удовольствие. Они не обрели мировую и даже национальную известность, кроме разве что Стэнхоупа Форбса (Stanhope Forbes), зато радикально изменили отношение к изобразительному искусству в Корнуолле, сделав его привычным занятием для жителей графства.

С детства рисовала и Джанет, тем более что перед глазами были семейные примеры: ее мама — добротный художник-любитель, а двоюродный брат и вовсе стал профессиональным живописцем.

Впрочем, среда средой, но желание получить «настоящую профессию» пересилило — отсюда годы изучения географии и истории в Оксфорде. Как признается Джанет, задумчиво глядя на электростанцию Баттерси с балкона своей квартиры-студии на юго-западе Лондона, она до сих пор немного жалеет, что так и не получила художественного образования. Тем более что при-

Перекрестки

менить подкрепленные дипломом профессиональные знания на практике ей так и не удалось. Окончив Оксфорд, Джанет с головой окунулась в семейную жизнь.

Со своим первым мужем Ричардом Хардмэном (Richard Hardman) Джанет познакомилась в университете. Он был геологом, работал в нефтяном бизнесе и много путешествовал по миру. Джанет, как верная жена, следовала за ним повсюду, успевая воспитывать четверых детей. Она попыталась было вместе с мужем работать в «нефтянке», но циничные нравы этой отрасли шли вразрез с ее принципами. Кроме того, Джанет угнетали постоянные переезды и отсутствие собственного дома и уюта: их жильё всегда было съёмным, и нельзя было даже гвоздь в стену вбить. «Поженились мы в Ливии, а развелись в Норвегии — на обеих церемониях я не поняла ни слова», — с усмешкой замечает она.

Отказавшись от карьерных устремлений, Джанет снова начала заниматься живописью, и чем дальше, тем больше. Свои первые картины она создала в столице Колумбии Боготе, где городские виды и природа столь не похожи на английские. Частые переезды обеспечивали смену впечатлений. Карьера художницы шла в гору: у нее проходили персональные выставки в странах, куда Джанет и ее семью заносила жизнь. В Норвегии она была избрана в Национальную ассоциацию художников (Kunstforening), а по возвращении домой — в Королевское акварельное сообщество (Royal Watercolour Society), и в течение шести лет была его вице-президентом.

Интересно, что как бы Джанет и ее мужа ни кидало по миру, от Северной Европы до Южной Америки, такую нефтяную державу, как Россия, они миновали.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ГЕРОИЗМ

Конец девяностых и начало нулевых стали для Джанет поворотным моментом. После развода она вернулась в Великобританию и поселилась в Лондоне, совершила паломничество

в Сантьяго-де-Компостела на севере Испании, где попросила Бога избавить ее от груза переживаний. Уже через несколько недель Джанет встретила скульптора Джона Хейл-Уайта (John Hale-White), которому суждено было стать ее вторым мужем.

Вслед за Джоном в жизни Джанет появилась Россия. Причиной тому стала случайно прочитанная ею книжка американского историка Альберта Акселя (Albert Axell) об участии СССР во Второй мировой войне, перечеркнувшая пропагандистские клише времен железного занавеса. Знакомство с книгой и с ее автором произвели на художницу столь сильное впечатление, что в 2004 году она впервые решила отправиться в бывшую «империю зла». Аксель согласился сопровождать Джанет в поездке по трем городам — Москве, Санкт-Петербургу и Волгограду (Сталинграду), став ее верным помощником и переводчиком. Путешествие оказалось невероятно тяжелым: они сами оплачивали все расходы, ей приходилось делать наброски в зимнюю стужу, и Аксель подставлял ей спину вместо мольберта. Но увиденное перевернуло ее отношение к России. Художница со слезами на глазах рассказывала мне об ужасах блокады Ленинграда, о том, что только в Сталинградской битве русских погибло больше, чем американских военных во всех войнах XX века.

Джанет Трелоар нашла своих героев.

«С акварелью вы получаете необыкновенное чувство непосредственности, — объясняет Джанет. — Я люблю влажность кисти и бумаги, и вы должны рисовать, даже если смешиваете краски и «пачкаете» ее, а это невероятно высокий риск».

Перекрестки

Результатом этой художественной экспедиции для Джанет стало понимание подвига русских людей, их решающей роли в победе над фашизмом, открытие поэзии русских пейзажей и — серия картин Russia's Hero Cities.

Эта серия впервые была показана на выставке, приуроченной к 60-летию Победы СССР над фашистской Германией, в посольстве России в Великобритании в 2005 году. Затем она экспонировалась в разных российских и британских галереях, помогая британцам оценить мужество русского народа и восхищая русских зрителей, не ожидавших от британки столь пронизательно-го взгляда на свою страну.

Знакомство Джанет с Россией переросло в интерес к русской культуре, а именно к Серебряному веку и к одной из величайших русских поэтесс Анне Ахматовой. Джанет, которая не говорит по-русски, поразил не столько ее поэтический талант, сколько судьба, вобравшая трагичную российскую историю XX века. «Она пережила разрушение империи и революцию, Первую и Вторую мировые войны, тиранию Сталина и разлуку с самыми близкими людьми, сохранив невероятную тягу к жизни», — объясняет мне Джанет.

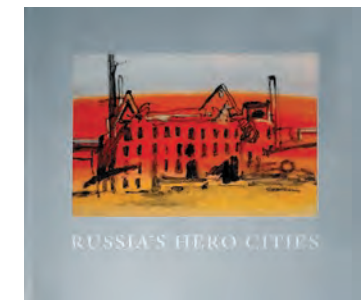
В 2007 году Джанет вернулась в Санкт-Петербург вместе с мужем-скульптором и начала работу над серией картин об Ахматовой. Она постаралась изобразить сцены из жизни Ахматовой: виды Санкт-Петербурга, коммунальный быт, работу над стихами. Художница, которая не сталкивалась с советскими реалиями, смогла передать атмосферу того мира, в котором жила Ахматова. В этом мире шаги на лестнице вызывают ледящий страх, лагеря и расстрелы могут стать частью любой семьи, и ваше личное пространство превращено в коммунальную квартиру, которую приходится делить с чужими людьми.

В какой-то момент Джанет поняла, что изображения Фонтанного дома и портреты Ахматовой необходимо дополнить словами поэтессы, и с помощью трафаретов начала переносить строки ее стихов на полотна. «Надеюсь, решив поэкспериментировать, я не допустила глупых грамматических ошибок?» — скромно вопрошает Джанет. Эти картины стали логичным продолжением серии о городах-героях: в поэтессе Серебряного века Трелоар нашла лицо российского героизма — лицо Ахматовой, которую Лидия Чуковская называла советской Жанной д'Арк. В родном городе поэтессы художница написала новую серию акварелей «Голос всея Руси».

Работы Джанет Трелоар лишены политического подтекста. Они посвящены не государствам, а отдельным людям — наделенным сильным характером, умеющим противостоять эпохе и даже в бесчеловечных обстоятельствах оставаться людьми. Именно поэтому Джанет сильно задел неудач ее персональной выставки в Королевском акварельном сообществе из-за ситуации в Крыму и на Украине: ее картины попросту выше сиюминутной политики. Для Джанет Россия — неотъемлемая часть Европы, она переживает из-за нынешних отношений между Россией и Западом. «Западные страны не идут на диалог с Россией, пытаются загнать ее в угол, что всегда чревато ошибкой», — поясняет свою позицию художница.

Джанет, которая искренне выступает против конфликтов внутри Европы, вдруг напоминает мне кота Леопольда, призывавшего всех вокруг жить дружно. Только если герой советского мультфильма пытался вразумлять вредных мышей миролюбивыми речами, то у Джанет инструментом влияния на общественное мнение служит живопись. «Вы знаете, мне не нужна личная известность. Я стремлюсь, чтобы как можно больше людей на Западе, увидев мои картины, смогли понять и принять Россию как она есть», — говорит она столь убедительно, что хочется еще раз взглянуть в ее полотна.

На фото слева:
Джон Хейл-Уайт и Джанет Трелоар:
портрет счастливой творческой семьи.

Куда уходит Англия?

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНКУРС КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА И ПОЗНАНИЯ ДУШИ НАРОДА

Елена КОНЮХОВА, директор Библиотеки Голицына (Санкт-Петербург). Фото: архив Библиотеки Голицына

Княжна Екатерина Голицына вручает дипломантам конкурса сборники стихов английского поэта.

Ярчайший английский поэт второй половины XX века Филип Ларкин (Philip Larkin) окончил Оксфордский университет и всю жизнь проработал библиотекарем. Символично, что итоги конкурса на лучший перевод его знаменитого стихотворения “Going, Going” тоже подводились в библиотеке, правда, в российской — в Библиотеке Голицына (The Prince George Galitzine Memorial Library), созданной английским благотворительным фондом «Голицын — Петербургу» (The Galitzine — St. Petersburg Trust). Фонд был основан в память об известном русском эмигранте Г. В. Голицыне (1916–1992), а в 1994-м в Петербурге, на Фонтанке, 46, в особняке, принадлежавшем предкам князя, открылась мемориальная библиотека. К ее 20-летию и был приурочен конкурс перевода в рамках перекрестного Года культуры России и Великобритании (The UK — Russia Year of Culture 2014).

В России творчество Ларкина, к сожалению, мало известно: опубликовано не более полутора десятка переводов его стихотворений. Вместе с тем Общество поэтической книги (The Poetry Book Society) признало его самым любимым послевоенным поэтом Великобритании (2003). Стихотворение “Going, Going”, написанное Ларкиным в 1972 году и вошедшее в сборник «Высокие окна» (High Windows), было созвучно современникам выраженной в нем тревогой за будущее, за утрату «вечных ценностей» под натиском прагматичного, антигуманного мира. Сегодня эта угроза еще более актуальна.

На приглашение к поэтическому соревнованию откликнулись 158 человек из России, Великобритании, США, Канады, Дании, Китая, Украины, Белоруссии. Среди них были как профессиональные поэты и переводчики, так и новички на

Креатив

<...> *And that will be England gone,
The shadows, the meadows, the lanes,
The guildhalls, the carved choirs.
There'll be books; it will linger on
In galleries; but all that remains
For us will be concrete and tyres.*

(from "Going, Going" by Philip Larkin)

<...> *И кончено с Англией, сгинут
Тенистые тропы, луга,
Резьба старых ратуш и хоров.
Что книги? На полки задвинут;
И наши зальют берега
Асфальтом и ревом моторов.*

(из «Продано» Ф. Ларкина в переводе А. Круглова)

литературной ниве, люди разного возраста — от 16 до 80 лет, разных профессий и личных интересов, о которых конкурсанты сочли возможным написать в анкетах. Разнился и уровень знания иностранного языка. Абсолютное большинство участников впервые прочитали стихи Ларкина, по крайней мере в оригинале. Неожиданно многозначным оказался перевод заглавия конкурсного стихотворения — десятки вариантов, показавших и различие в восприятии прочитанного, и богатство русского языка.

Авторитетное жюри — филологи, переводчики, поэты, деятели международных организаций — единодушно и не стовариваясь (конкурс был анонимным) признало лауреатом Премии князей Голицыных (The Princes Galitzine Prize) Алексея Круглова из Москвы. Он выпускник технического вуза,

Почетным гостем вечера был генеральный консул Великобритании в Петербурге Кит Аллан (HM Consul General Keith Allan).

Этот изобразительный «перевод» стихотворения сделал художник Иззи Бенн (Izzy Benn).

*Most things are never meant.
This won't be, most likely; but greeds
And garbage are too thick-strewn
To be swept up now, or invent
Excuses that make them all needs.
I just think it will happen, soon.*

(from "Going, Going" by Philip Larkin)

*Нет, это не умысел злой,
Не думаю; просто корысти
Не в силах мы дать окорот —
На совести мусора слой
Такой же, и сколько ни чисти,
Несчастье случится вот-вот.*

(из «Продано» Ф. Ларкина в переводе А. Круглова)

Филип Ларкин — библиотекарь и поэт (1922–1985).

Победитель конкурса Алексей Круглов.

кандидат физико-математических наук. Хорошее знание английского языка позволило Алексею заняться литературным творчеством. Ныне он автор опубликованных переводов произведений английских и американских писателей, член Союза писателей России.

Решено было отметить дипломами переводы преподавателя из Костромы Евгении Зиминной и петербургского поэта Николая Голя, а также огласить имена еще пяти переводчиков в знак поощрения. Но, несомненно, всех участников конкурс подвигнет к дальнейшему изучению английского языка и литературы.

Победителей награждали в день рождения библиотеки. На праздник собрались ее друзья и читатели, представители учебных заведений, зарубежных культурных центров. Стихотворение "Going, Going" звучало на двух языках: организатор конкурса княжна Екатерина Голицына (Catherine Galitzine) прочитала его в оригинале, а петербургская актриса Тамара Абросимова представила лучший перевод. Квартет Михайловского театра исполнил сочинение композитора Э. Элгара (Edward Elgar), увенчав этот праздник российско-английской культуры.

*Most things are never meant.
This won't be, most likely; but greeds
And garbage are too thick-strewn
To be swept up now, or invent
Excuses that make them all needs.
I just think it will happen, soon.*

(from "Going, Going" by Philip Larkin)

*Нem, это не умысeл зaод,
He думaю; пpocто копыcтu
He в cуax мь дaтв oкopом —
Ha coвecтu мycopa cвoй
Тaкoй жe, и cкoвкo нu чucтu,
Нecчacтue cлyчuтcя вoт-вoт.*

(из «Иродано» Ф. Ларкина в переводе А. Крылова)

Philip Larkin — librarian and poet (1922–1985).

translators to offer them encouragement. The awards ceremony took place on the anniversary of the library's founding. Friends of the library, readers, the representatives of academic institutions and foreign cultural centres all gathered for the ceremony. The poem 'Going, Going, Going' was read in both languages: the organiser of the competition, Catherine Galitzine, read it in the original and the St. Petersburg actress, Tamara Abrosimova, presented the best translation. A string quartet from the Mikhailovsky Theatre performed a piece by Edward Elgar, to crown this celebration of Anglo-Russian culture.

Competition winner Aleksei Kruglov.

unanimously and without any consultation (the submissions were anonymised) declared Aleksei Kruglov from Moscow the winner of Princes Galitzine Prize. A graduate of a technical university with a doctorate in Mathematics and Physics, Aleksei's good knowledge of English enabled him to work as a translator. He is now the author of published translations of works by English and American writers, and is a member of the Union of Writers of Russia. The jury presented diplomas in recognition of the translations by a lecturer from Kostroma, Evgenia Zimina, and a Petersburg poet, Nikolai Gol', and also commended the submissions another five

HM Consul General Keith Allan was the evening's honoured guest.

invitation to enter the poetry competition. They numbered both professional poets and translators and novices in the literary arena. They included people of different ages, from 16 to 80 years old, drawn from various professions and with a range of personal interests, about which the competitors wrote on their entry forms. Their knowledge of English also varied. The vast majority read Larkin for the first time, at least in the original. Even the translations of the poem's title proved to be unexpectedly diverse; there were dozens of different variations, showing both the differences in perception of the meaning of 'Going, Going' and the richness of the Russian language.

The jury, which was composed of philologists, translators, poets and the representatives of international organisations,

The artist Izzy Benn produced this graphic 'translation' of the poem.

<... > And that will be England gone,
The shadows, the meadows, the lanes,
The guildhalls, the carved choirs.
There'll be books; it will linger on
In galleries; but all that remains
For us will be concrete and tyres.

(from "Going, Going" by Philip Larkin)

<... > И конечно с Англицей, сгинуть
Тенистые тропы, луга,
Резьба старых рам и хоров.
Что книги? На полки завитым;
И наши зарывом берега
Асфальтом и ревом моторов.

(из «Пролано» Ф. Ларкина в переводе А. Крутова)

Where is England Going?

A POETRY COMPETITION AS A MEANS OF STUDYING THE LANGUAGE AND DELVING INTO THE SOUL OF A PEOPLE

Elena KONVUKHOVA, Director of the Galitzine Library (St. Petersburg). Photo: Galitzine Library archive

Princess Catherine Galitzine presents the competition's winners with a collection of Larkin's poetry.

The most striking English poet of the second half of the Twentieth Century, Philip Larkin graduated from Oxford and spent all his life working as a librarian. It is symbolic then that of his famous poem, 'Going, Going, Going', were also announced in a library, in a Russian library it is true: in the Prince George Galitzine Memorial Library, founded by the English charitable foundation, 'The Galitzine — St. Petersburg Trust'. The foundation was established in memory of the famous Russian émigré, George Galitzine (1916–1992), and in 1994 a memorial library was opened in number 46, The Fontanka in St. Petersburg, in a residence belonging to the Prince's descendants. The library's twentieth anniversary was marked by

the translation competition within the framework of the UK — Russia Year of Culture 2014. Regrettably, Larkin's work is little known in Russia: there exist only a dozen or so translations of his poetry. At the same time, in 2003 the Poetry Book Society declared Larkin its favourite British postwar poet. The poem 'Going, Going, Going' written by Larkin in 1972 and formed part of his collection 'High Windows'. It resonated among contemporaries with its expressions of alarm at what the future held, at the loss of 'eternal values; under the pressures of a pragmatic, inhumane world. Today these threats are all the more imminent. 158 people from Russia, Great Britain, the USA, Canada, Denmark, China, Ukraine and Belorussia responded to the

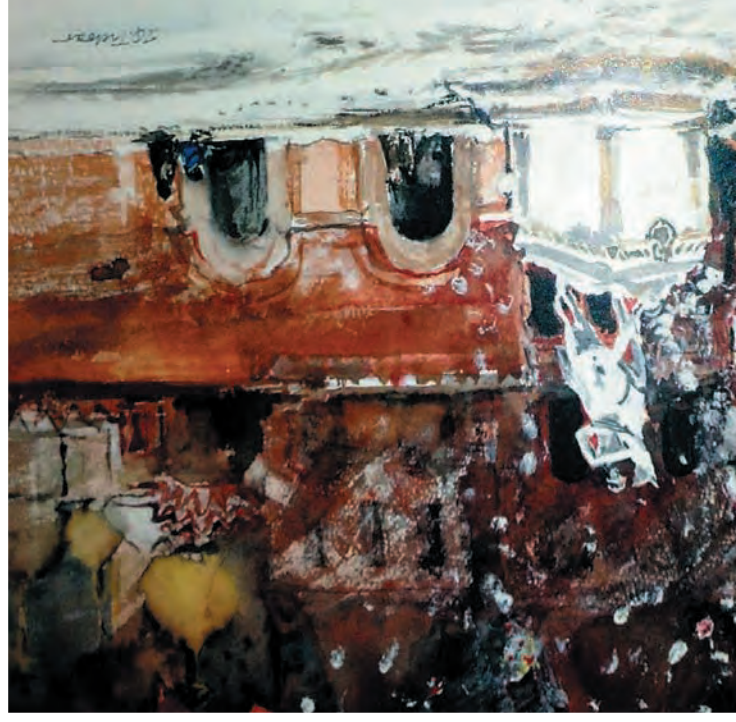
Janet's acquaintance with Russia grew into an interest in Russian culture and especially in the Silver Age and in one of Russia's greatest poets, Anna Akhmatova. Janet, who does not speak Russian, was struck not so much by Akhmatova's poetic talent, as by her fate, which had absorbed Russia's tragic history in the Twentieth Century. She lived through the collapse of the empire and the revolution, the First and Second World Wars, Stalin's tyranny and separation from, and the loss of, her loved ones and still, she kept her thirst for life; Janet explains. In 2007, Janet returned to St. Petersburg together with her sculptor husband and began to work on a series of paintings about Akhmatova. She tried to depict scenes from Akhmatova's life: views of St. Petersburg, communal life, the poet working on her verse. Treloar, who had herself never actually encountered Soviet everyday life, was able to convey the atmosphere of the world in which Akhmatova lived. It was a world in which footsteps on the stairs could fill anyone with icy dread, the camps and firing squads could become fate of every family and private space was transformed into a communal flat, that had to be shared with strangers.

At some point, Janet understood that these depictions of the House on the Fontanka and the portraits of Akhmatova had to be furnished with the poet's own words and, with the help of a stencil, she began to transfer lines from the poems to her canvases. I hope, that having decided to experiment, I haven't committed stupid grammatical mistakes? Janet enquires modestly. Of course, there were no errors in the paintings. They became a logical extension of her series on the 'Hero Cities': Treloar found the face of Russian heroism in the Silver Age poet — the face of Akhmatova, whom Lydia Chukovskaya called the Soviet Jean d'Arc; In the great poet's own home, she painted a new series of watercolours, 'The Voice of All the Russias'; Janet's works contain no political subtext. They deal not with states but with individual people — talented men and women with strong characters who were able to resist the forces of their own epoch and were able to remain human beings even in inhuman circumstances. It is for that reason that Janet was particularly upset by the failure of her exhibition at the Royal Watercolour Society in connection with the situation in Crimea and Ukraine: her pictures are quite simply beyond the ephemeral world of politics. For Janet, Russia is an inseparable part of Europe and she is very concerned by the current relations between Russia and the West. 'Western countries are not entering into a dialogue with Russia; the artist explains. 'They are trying to back it into a corner, which will certainly turn out to be a mistake; In her earnest desire to avoid conflict within Europe, Janet suddenly reminds me of Leopold the cat, who called on all around to live as friends. Yet if the hero of the Soviet cartoon tried to reason with the harmful mice with his peace-loving speeches, Janet influences public opinion with her painting. 'You know, I've never been interested in personal fame. I do what I do so that as many people as possible in the West, when they see my pictures, are able to understand and accept Russia as it is; she says with such conviction that it instantly makes you want to look once again at her canvases.

Photo top left: John Hale-White and Janet Treloar: a portrait of a happy, creative family.

Crossroads

Century. The result of that artistic expedition for Janet was an understanding of the incredible feat of the Russian people, their decisive role in the victory over fascism, the revelation of the poetry of Russian landscapes and the series of paintings: 'Russias Hero Cities'; This series was first shown at an exhibition timed to coincide with the 60th anniversary of the USSR's victory over fascist Germany in the Russian Embassy in Great Britain in 2005. It was subsequently displayed in various Russian and British galleries, helping the British to appreciate the courage of the Russian people and captivating Russian audiences, who never expected such a perceptive view of their own country from a British woman.

for she never had the chance to put her professional skills and knowledge, consolidated with a degree, into practice. Having graduated from Oxford, Janet threw herself into family life.

She met her first husband, Richard Hardman, at university. He was a geologist, worked in the oil industry and was constantly moving around the world. As a faithful wife, Janet followed him everywhere and managed to raise four children. She tried to work together with her husband in the oil industry but the cynical nature of its business culture sat uncomfortably with her own principles. Besides, Janet suffered from the constant moves and the lack of the comfort of a home of her own; their accommodation was always rented and they were not even allowed to knock a nail into the walls. 'We got married in Libya, and divorced in Norway — I didn't understand a word of either of the ceremonies', she comments with a grin.

Turning away from careerist ambitions, Janet began to paint again, and as time passed, she painted more and more. She created her first paintings in the Colombian capital, Bogota, where the cityscape and the countryside are so different from the English. Frequent moves supplied a shift in impressions. The artist's career began to take off; she had exhibitions in the countries to which life had led her and her family. In Norway, she was elected a member of the National Artists Association (Kunstforening) and later, back in Britain, elected to the Royal Watercolour Society, which she was to serve for six years as Vice-President.

It is interesting that however far fate cast Janet and her husband across the world, from Northern Europe to South America, they never ended up in that great oil power, Russia.

A FRESH LOOK AT THE HEROISM

The end of the 1990s and beginning of the 2000s became a turning point for Janet. After her divorce, she returned to Great Britain and settled in London. She made a pilgrimage to Santiago

de Compostella in the north of Spain, where she prayed to God to relieve her from the burden of her worries. Within a few weeks, Janet met the sculptor John Hale-White, who was destined to become her second husband.

Next to appear in Janet's life after John, was Russia. The cause was a book Janet happened to read by the American historian, Albert Axell, about the participation of the USSR in the Second World War, which had overturned the propaganda clichés from the time of the 'Iron Curtain'. Reading the book and meeting its author made such a strong impression on Janet that in 2004 she decided for the first time to travel to the former 'Empire of Evil'; Axell agreed to accompany her on a trip to three cities — Moscow, St. Petersburg, and Volgograd (Stalingrad), and became her faithful assistant and translator. The journey turned out to be extremely arduous: they had to cover all their own expenses and Janet was forced to do sketches in the freezing cold of winter with Axell offering his own back instead of an easel. But what she saw transformed her attitude to Russia. With tears in her eyes, the artist told me about the horrors of the Siege of Leningrad, about the fact that more Russian soldiers died in the Battle of Stalingrad than American military personnel did in all the wars of the Twentieth

Janet Treloar found her heroes.

'With watercolours, you get an exceptional sense of immediacy. I love the fluency of the paintbrush on the paper, which enables one to express an idea very rapidly and, for me, starting point, which gives me the energy to convey it. I have to enter my surroundings, outside of myself,' — Janet explains.

Painting Russia

THE BRITISH ARTIST JANET TRELOAR LOVES AKHMATOVA AND KNOWS WHAT THE SEIGE OF LENINGRAD WAS REALLY LIKE

Yulia JUZEFOWICZ (London). Photo: Ksenia Komar, Janet Treloar's family archive

A LITTLE ABOUT THE ARTIST'S PRIVATE LIFE

Anyone visiting the National Portrait Gallery or the halls of

the Royal Academy of Art, knows that fine art for the British has

often provided an opportunity to celebrate themselves in all of their

beauty and all of their riches: their residences, their awards, their

hunting dogs and their dazzling stallions. The realities of Russia

were more likely to appear as high-quality caricatures in the pages

of the *The Times* than in picture galleries.

One of those to buck this trend is the artist Janet Treloar. She

grew up in Cornwall and studied in Oxford but the subjects of

her paintings are to be found far beyond the borders of the Great

Britain and, over the last decade, in Russia.

In the west of Cornwall at the end of the Nineteenth Century,

fifty years before Janet's birth, there appeared two colonies of

British artists. They had decided to take refuge from the bustle of

the big cities, live on the coast and paint for their own pleasure.

They won neither global nor even national fame, with the possible

exception of Stanhope Forbes. Yet they did radically alter the

approach to fine art in Cornwall, making it a popular pursuit

among the county's inhabitants. Janet was one of those who

Painted from childhood and did so, moreover, for before her eyes

she had examples in her own family to follow: her mother was an

accomplished amateur artist and her cousin became a professional

painter:

Uprighting is all very important but the desire to learn a real

profession; nonetheless, won out and so Janet spent years studying

geography and history in Oxford. As she admits, pensively looking

out on the Battersea Power Station from the balcony of her flat-

cum-studio in southwest London, she still regrets a little that she

did not pursue a formal education in the arts. All the more so,

Training lays the foundation for success. One the eve of the competition in London, the President of the International Federation of Sambo (FIAS), Vasily Shestakov, met with participants from the Russian team in the Sports School in St. Petersburg, where he used to be director.

Vasily Shestakov, is already into his second term as the head of FIAS, a position he has held since 2009. He maintains close links with the British Sambo fighters. It is not for nothing that he has been awarded the Freedom of the City of London. This distinction, which has been conferred since 1242, awards, among other things, the right to herd sheep over a bridge across the Thames.

Around 400,000 people practise Sambo in Russia alone. Across the world, there are several million, which is a great testament to the achievements of Russian trainers and sportsmen and women. Suffice it to mention Fedor Emelianenko, whose fight TV is broadcast across all continents. Even in faraway Venezuela, with state support there are more than 20 Sambo clubs attended by more than 2,000 people.

Here it is, Combat Sambo! Feel the difference from the sporting version!

Sportswomen are an adornment of Sambo.

Crossroads

In the finals, Russia overcame a strong British team and the event was hailed as a great success. A number of celebrities including Alex Reid and Zara Phythian were in attendance and cheering for their home team.

One of the most exciting elements of the President's Cup tournament was the inclusion of so many fighters from different Commonwealth countries. There was representation from Ghana, Mauritius, Australia, India, Hong Kong, Singapore, Canada and Trinidad and Tobago. It was a fantastic example of the inclusive nature of the sport and its ability to unify fighters and create a strong team ethos, rather than focusing on individuals. The London Scottish Regiment Pipes and Drums also performed at the event, which proved hugely popular with all the visiting teams as their unique uniforms and sound filled the arena.

A key initiative that the CSA is promoting is the 'Safe Fall-' campaign that teaches children about the art of the break-fall. These lessons affirm Sambo's social mission. Studies have shown that pensioners who had martial arts experience during their youth are far less likely to suffer debilitating falls in their final years. This has a huge knock-on effect in terms of quality of life, insurance im-plications and healthcare costs.

Naturally, Sambo is an excellent addition to any educational curriculum beyond the benefits that may be reaped later in life. It teaches respect, control and self-discipline, while encouraging fit-ness, strength and self-improvement.

It is true to say that many martial arts offer lifestyle benefits to their adherents. However, not many are so malleable and inclusive as Sambo. From army and police recruits, via professional fighters, to school children and pensioners, Sambo can be seen to offer ben-efits throughout society. Organisations such as the Commonwealth Sambo Association bring fresh ideas and management skills into the arena and with the explosion of interest from the general public, the future for the sport looks very bright indeed.

Friends and Rivals.

The tournament was initiated by Lord Simon Reading who was expressing the wishes of the British athletes. In March 2013, the Honorary President of FIAS Vladimir Putin gave his consent to the President's Sambo Cup in London during his meeting with representatives of the World Sambo.

the 1970s, this unusual type of sport in the home of football and rugby was called Sombu and even, for political and linguistic reasons, Cambu. But eventually at the insistence of the International Sambo Federation (FIAS) in Great Britain the official name of Sambo was approved in accordance with the Russian spelling and pronunciation.

The Commonwealth Sambo Association was founded in 2012 under the guidance of its President, Lord Simon Reading. The aim of the organization is to foster co-operation between the Commonwealth countries and to promote Sambo through a number of prestige events.

The marquee event of the CSA is the President's Cup, held at Bluewater in the UK. This was a World Cup style meeting where the 8 top Sambo nations sent their fighters to compete in a knockout tournament to win national glory. The audience saw some spectacular fights with 17 different world champions in action.

The ceremonial opening of the competition with the participation of the London Scottish Regiment Pipes and Drums.

This challenging cup was established and made by the major sponsor of the tournament — the 'Jewelers of Northern Capital' company from St. Petersburg. Its project was the idea of Timur Kabukayev, the General Director of the company. The total weight of the prize is 9,800 grams. The cup consists of gold, silver and natural stones, such as jade, jasper, turquoise, mother-of-pearl, rhodonite, beryl, ultramarine, charoite, amber, malachite, aventurine, and jadite.

Next to the Cup, the President of the Russian Olympic Committee, Alexander Zhukov (left) and the Russian Ambassador to Great Britain, Alexander Yakovenko.

Crossroads

later, Oshchepkov was recruited by the Russian government and tasked with creating the most advanced combat system possible for use by the military in hand-to-hand combat.

Vasily set to work and his endeavours gave rise to Combat Sambo — a blend of striking and submission techniques from all known sources including boxing, muai thai, and karate as well as many types of wrestling. These encompassed all relevant wrestling techniques, but especially those honouring the heritage of the countries of the former Russian Empire. Formalised in the 1920s in the Soviet Union, Combat Sambo was classified for years and was purely employed by Soviet special forces and select army regiments. This is the origin of the term 'Sambo': an abbreviation of the Russian words, 'SAMooborona Bez Oruzhiia, or 'Self-defence without weapons'.

However, the sporting version of Sambo (without strikes) gained momentum and became one of the most popular combat sports in the Soviet Union. It was Yasuhiro Yamashita, Olympic, World Champion and All-Japan Judo Federation President, who first formally recognized that the Russians were doing so well in Judo because they also studied Sambo. (His observation was justified as he witnessed the Russian Judo team win 3 golds, 2 silvers and 2 bronzes at the 2012 London Olympics).

By the late 1990s, Combat Sambo had finally arrived in the public arena, and was now fully establishing itself. There were a few experiments with the uniforms, protection, rules and regulations, and after successful trials in a few tournaments, there was the establishment of regular National, Continental and World Championships for both Sport and Combat Sambo.

Looking ahead, the 1st European Olympic Games will be staged in Baku, Azerbaijan, in 2015, and Sambo (sport) will be included in the program for the first time. Hopefully this is the first step to be coming a permanent fixture in the global Olympic Games.

...In 1986 the famous fighter Martin Clarke established the British Sambo Federation. At that time, just as at the beginning of

Safe Falling Guaranteed!

RUSSIAN SAMBO EXPANDS ITS AREA IN THE COMMONWEALTH

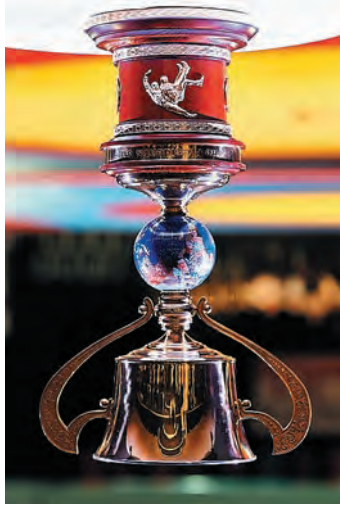
Leo MALIM, Executive Committee member of the Commonwealth Sambo Association (CSA). Photo: CSA, Svetlana Raghina

London's President's Cup International Sambo martial arts Tournament was attended by over 1,200 spectators last autumn. The fastest growing martial arts discipline in the world has undergone an explosion in popularity in recent years and Britain is no exception. So how did this once niche sport with a hundred years of history attract such a large audience?

Sambo is a combat discipline where the main objective is to get your opponent off balance and force or throw him to the ground. In many ways, Sambo resembles its sister sports, judo and wrestling, where the winner is also declared by the superior margin of points earned on the basis of the quality of the attacking actions. However, there are a few significant differences in the uniforms, the gripping and throwing repertoires, and additionally, Sambo contains almost endless possibilities of forcing an opponent into

submission with arm or leg bars. This brings us to a key differentiator of Sambo compared to most other martial arts — it can be seen as 'total combat': standing combat seamlessly flows into ground-work, and vice versa. There are minimal breaks during a 5 minute, no-compromise, fight. Referees do not interfere unnecessarily; they are in place to assure the rules are followed, but not to over-regulate the contest. It is probably for this reason that the sport is close to the British mentality, although its origins lie far from the shores of Albion.

...In 1906, Vasily Oshchepkov, a 14 year old Russian refugee orphan, appeared in Tokyo and joined the Judo school of Dr. Jigoro Kano. Vasily qualified as a black belt within five years and was awarded his belt by the master himself. As such, he became one of only four Europeans to receive this high recognition. A few years

Before the match, we didn't know what to expect from the Peters-burgers. They turned out to be powerful and were technically well-pre-pared, and kept pushing to the very end, said the captain of the Oxford team, Sandy (Alexander) MacDonald. 'Maybe they need to get some for-eign rugby experience and invite over some international trainers. But these local players have great potential.'

After the match, the press secretary of SPSU, Professor Aleksey Zavarzin, presented the Oxford team with a cup with the words: 'Our uni-versities are already cooperating in the fields of education and scholar-ship. Perhaps your visit will be the start of a new, sporting dimension, and this cup will be passed back and forth between us.'

By the way, the final score was 81:3 to Oxford. But... the first step is the hardest!

Matt Janney, a third-year student, was also performing in the role of translator. According to Matt, his desire to study the Russian language came from his interest in Russian history and literature. The SPSU team also includes students from various faculties: philosophy, political science, applied mathematics, geography, economics and sociology. The students — whether mathematicians or sociologists — didn't have time to talk about their academic interests; the talk was of rugby. And during the 'third half' (a rugby tradition around the world during which after the game, the erstwhile opponents always get together over some beers) they discussed the key moments of their match. Two of the most important incidents for the SPSU team took place in the second half. The first was when our boys could have scored a try but failed to get the ball over the line. The second was when the British committed a foul in their own half. Our boys took a penalty kick: Sergey Greshev hit the target, earning three points! This kick saved the Petersburgers from losing with no points on the board. It was a fine game, fast and skilful; trainer Alexander Zaria notes. 'The British players were physically stronger than ours, but they didn't play rough, even though in the rucks and scrums they often took the ball. There were some tough challenges, but no bad bruises or injuries. And the difference in scores isn't so big when you consider that scoring one try followed by a conversion can earn you seven points; Of course, the coach is right to lament the difference in class. From his perspective, what stood out in the away team was their collective interaction on the field and their passing combinations, whereas we are still at the level of training the players as individuals. 'The reason, continues Alexander Zaria, stems from the attitude to the sport in Britain and in Russia. Their boys play rugby from childhood, watch matches every week on TV, and can join clubs even in school. But students the game from scratch. They're only really beginning to understand it by the fourth or fifth years. By contrast, their university team coaches get to select the best players from among the freshers;

Photo on page 36:
Fragment of a statue of William Webb Ellis
near Rugby School.

*The team visit from Oxford to St. Petersburg
was organised with the support of the
St. Petersburg Rugby Federation.*

The press secretary of the St. Petersburg
State University, Professor Aleksei Zavarzin
(centre) took the guests on a short tour
of the university. The lads from Oxford
felt themselves very much at ease in the
famous corridor of the main building.

Indeed, the SPSU student rugby team is the oldest in St. Petersburg, though it was founded a full century after the Oxford team, in 1962. In Britain, rugby is a national sport — boys go chasing after the oval ball from childhood, like ours do with footballs. Every school, college and university has its own rugby team. But in the whole of St. Petersburg, there are just three junior and eight university teams. The SPSU team — several times the winners of the St. Petersburg universities' title — takes part in the national and city championship-ships, and also in international student tournaments. What is more, SPSU's rivalry with Moscow State University is like the rivalry between Oxford and Cambridge; of the four meetings they have had, the Petersburgers have won three.

'For our boys, the match with Oxford will be an education,' says the SPSU coach, Alexander Zaria, a senior lecturer in the Department of Physical Culture and Sports. 'If you make a mis-take in a game with an opponent like this, it will immediately be punished

with a successful attack. And believe me, these players will remember their mistakes for a long time, and will try not to repeat them; It's no wonder, then, that the itinerary for the British rugby players' visit, aside from meeting the students and faculty of the SPSU and getting to see St. Petersburg, includes training alongside their hosts. The guest team demonstrated how they warm up, work on their col-lective tactics, defence and attack, and how they organise and adapt during a game. The British team's mentors also provided some master classes for the Petersburg players.

Looking at these strapping young men, most of whom have never visited St. Petersburg before, you wouldn't guess that they were students and graduates. They are reading a number of different subjects: history, chemistry, anthropology, engineering, sciences, sociology, eco-nomics and management, clinical medicine, geography, mathematics and oceanography. Their ages range from 18 to 28.

Bringing Rugby to the City

OXFORD RUGBY PLAYERS TRAIN WITH THEIR PEERS FROM THE UNIVERSITY OF ST. PETERSBURG
Evgeny GOLUBEV. Photo: Mikhail Volkov, Konstantin Petrov, Ekaterina Kovalava

There had never before been such passionate rugby fans in St. Petersburg: the Kirovets stadium was full, more and more fans arrived during the match, and over a thousand voices were chanting 'U-ni, let's go!' 'Forward, U-ni!' But these cries could have been for either team, for the opponents of the boys from the St. Petersburg State University (SPSU) were a team of students from the famous University of Oxford! This first visit by a delegation from the Oxford University Rugby Football Club (OURFC) to St. Petersburg can truly be called historic.

But the question is, why would one of the strongest amateur teams in Europe face off against a clearly weaker opponent? The British have experience and tradition on their side. William Webb Ellis is considered to be the inventor of rugby — during a football match on 6 April 1823 in the city of Rugby, in violation of the rules, he seized

the ball in his hands and ran forward with it towards his opponents' goal — and Webb was a student of Oxford University's Brasenose College. The University's first rugby team was formed in 1869, and today Oxford's amateurs success-fully face down professionals from other countries, although they did lose to Russia's team in 2014. 'We've got a new line-up and the boys need to play,' explained Tim Stevens, the manager of the OURFC rugby club. 'At the beginning of December we'll have another battle with Cambridge. We've been rivals for over 100 years: Cambridge has notched up 51 victories; Oxford, 47, and there have been 14 draws. Oxford has won for the past four years running, but no one has ever won five in a row before. We need to prepare well, and seize every opportunity. Last year, we had eight games before our match with Cambridge, but this season this match will be our first. And we've heard that St. Petersburg University has a strong team;

Photo on page 35:
Portraying Canova's 'Three Graces';

*The film was made with
the support of Vladimir Potanin's
charitable foundation.*

The contemporary British sculptor,
who has already been hailed as one
of the greats, Anthony Gormley,
displayed his work amidst the classics
in the Hermitage at the 'Still Standing'
exhibition, and also shared his opinion
about the Museum.

As for filming the parts of the documentary that covered the contemporary life of the museum, the director chose the time-lapse technique which enables the viewer to follow changes over time.

— Using time-lapse I wanted to show how visitors and tourists move around the Hermitage. And tourists move different from kings and queens... These are new times, a new dynamic.

Besides, I really like the way children behave in the museum.

There are always lots of children in the Hermitage and I must say that Russian children are much better behaved than European children. And I know how important the presence of children in the museum is for Piotrovsky. After all, he himself grew up and even took his first steps in the museum in which his father, the famous orientalist, Boris Piotrovsky, used to be the director!

Margy liked Piotrovsky's personal story so much that it soon gave rise to the film's main device. A new hero took centre stage: a four-year old boy, who accompanies the viewers throughout the entire film. The boy, Semyon Ivanov, was cast in the role and, as the director admits, to begin with, it was very difficult to work with him.

Heritage

— Children are always unpredictable, and it was even harder to work together with a four-year old who didn't understand English and my Russian wasn't good enough to explain what I wanted from him in particular scenes. Eventually I decided to simply let him discover the museum on his own and observe him. So he took us into his own Hermitage. Children are very immediate; they don't read signs; they just look at everything with their own eyes. And if he sees squares on the parquet floor, then he starts to jump through them. I wanted it to be a kind of dance.

And, by the way, Mikhail Piotrovsky really liked these scenes and not only these. After the first public screening of the film in St. Petersburg members of the audience came up to me and told me about the first time they had visited the Hermitage. It is such a magical place; it draws everyone in. Everyone has his or her own Hermitage.

And now that the film has been released, there are a lot more individual Hermitages; The film has enjoyed a huge success within the genre. It has been nominated for a BAFTA by the British Academy of Film & Television Arts and has opened up a niche in cinema screenings — a 'live museum' — as the director herself calls it. The documentary has been shown in thirty countries and in Italy it was even more successful than some Hollywood blockbusters!

— I think it's wonderful that people go to watch a piece of art in the cinema. The audience has the opportunity to view Rembrandt's paintings which will possibly never leave Russia (they were not even included in the National Gallery's exhibition in London, which opened in October 2014) and they're in my film! Initially potential funding bodies thought that few people might be so interested in the history and contemporary life of even a great museum, that they would go to the cinema to watch a film an hour-and-a-half long. I proved the opposite.

by Catherine the Great (although over the years, some more buildings have been added). It was the Imperial Winter Palace that survived changes in political regimes, revolutions, wars, changed the colour of its facade and yet stayed the same. It is the real symbol of St. Petersburg.

The Winter Palace itself is perhaps the only thing that unites the various temporal layers of the film. Different technical devices were used to make a journey through time. So everything that was about the Hermitage's past was shot using a Steadicam in a deserted museum. The camera glides through empty halls, showing the most important exhibits in the finest detail, allowing the viewer to pore over the archaeological finds, pictures and sculptures in the best light.

— We had some problems with the light, — Margy specifies. — We filmed in winter and while I normally start filming at 6 in the morning, in St. Petersburg it only gets light at 10:30 and, for various reasons, we often only started half an hour after that. As a result, I had less than 5 hours of filming a day... But I have to say: we had a terrific team on the shoot. They were all from Russia and we worked together really well.

The shot captures the ceremonial portrait of Catherine the Great and... part of the collection of her cameos from the museum's storerooms. Watching the 'little Protovsky'.

The Dutch artist, Erik van Lieshout featured in the film thanks to the Hermitage's cats.

On the photo on the right: At work, Margy and the chief cameraman, Maksim Tarasugin.

three million visitors each year: it seemed that the director faced an impossible challenge in seeking to fit the 'Universal Hermitage' into an hour-and-a-half long film.

— I had no idea where to start, — Margy confesses. — That was why I needed access to all areas of the museum, especially to those where visitors are not normally admitted. I was interested in the cellars, storage places, archives, restoration workshops, all the little cupboards and spiral staircases, canteens, heating pipes, and, of course, the director's office.

Margy Kimmonth became the first ever foreign director to make a film with unprecedented access to the vast museum's secrets. And she took full advantage of it.

— I was surprised by so much. The canteen, for example. Unfortunately, the footage didn't make it into the film but I

liked it there so much! Perhaps, it's a foreigner's perception but everything I saw there — the staff, their interaction, the interiors, the cutlery — seemed to me to be an exotic little island of the Soviet past. Then I was taken down into the cellars, where the heating pipes run and where entire colonies of cats live. They've

Heritage

been living there for a really long time and have become one of the museum's celebrities. The Dutch artist Erik van Lieshout even decided to build a new home for them and made a video about it, which was shown last summer at the Biennial of Contemporary Art, 'Manifesta 10' in the Hermitage. One other peculiar thing that really struck me was the exhibit of ice sculptures by children in the courtyard of the Hermitage. Prof. Piotrovsky himself attended the opening and lavished it with the same attention as he would an exhibition of Rembrandt or Raphael. The children were, of course, delighted. And finally, did you know that the Hermitage has its own post office?

The conception of the film gradually emerged from these discoveries, large and small, from interviews with the curators of collections and with Piotrovsky himself: to show the Hermitage as a city within a city, a state within a state.

— Both visually and conceptually, the key was the main building, where the museum was originally willed into life

Through the Eyes of a child

THE BRITISH DIRECTOR MARGY KINMONTH HAS CREATED
A DOCUMENTARY ABOUT ST. PETERSBURG'S FAMOUS MUSEUM
Maria PASHOLOK (London). Photo: © www.foxtrofilms.com

A feature-length documentary by the British filmmaker Margy Kinmonth *Hermitage Revealed* has been released to coincide with the 250th anniversary of the legendary museum. We met up with Margy at the 'Foxtro Films' studio where she was editing a shortened version of the film to be screened on the BBC, to find out about the filming process, her work with the Hermitage's director, Mikhail Piotrovsky, and the cats in the museum's cellars.

It transpired that Professor Piotrovsky himself had suggested that Margy Kinmonth make a film encompassing the history of the Hermitage. Piotrovsky had been so impressed by Margy's film about the Mariinsky Theatre (which she had directed a few years earlier in collaboration with Valery Gerгиеv) that he suggested the director make a similar documentary about the Hermitage.

— I was flattered, of course, — Margy recalls, — although I was initially very sceptical because it's one thing to make a film about a theatre, a ballet or an opera where everything is in motion, lives, and literally dances; a static museum is something quite different.

Margy did not, however, hesitate for long. Having first visited Russia in the mid-1980s, she had been enchanted with Russian art and eventually that passion grew into a career. Apart from the 'Mariinsky Theatre, 1783-2008', her filmography includes works devoted to Rudolf Nureyev, the story of Tchaikovsky and the ballet 'The Nutcracker'.

So there it was, one of the most famous museums in the world, 250 years of history, three million unique works of art, three revolutions, 900 days of siege in the years of the Second World War,

years since the beginning of the great British ceramicist's work. It was then for the second time (the first had been in 1774), that a part of the dinner service was displayed in an exhibition hall at the Wedgwood Company and it caused a real stir.

Thanks to the efforts of the architect Pavel Marseru and Sergei Troinitskii, the future director of the State Hermitage, in 1912 an exhibition of Wedgwood items opened in Russia, in St. Petersburg's Imperial Academy of the Arts. The exposition comprised two sections: contemporary works and a retrospective, which allowed visitors to follow the evolution of the ceramic arts. The objects from the famous Wedgwood dinner service were central exhibits in the retrospective. After the exhibition, the main part of the dinner service, which had been held in the English Palace, was transferred to the Hermitage Museum.

By that time, the dinner service was no longer known as 'the Russian dinner service'. The imperial dinner service storerooms already contained far too much 'Russified' porcelain and ceramics of European (Saxon, Prussian, Austrian, French) origins. From 1910 onwards, the Wedgwood faience ensemble became known as the 'dinner service with the green frog'. The unusual English ceramic set had been ordered for Catherine the Great's unusual English Palace. The triangular palace-castle, built by the architect Yury Felten in the neo-Gothic style in between 1774 and 1777 in a marshy area on the road from St. Petersburg to Tsarskoe Selo, was the summer residence of the court. Catherine called the place 'La Grenouillière' or 'Frog's swamp'. At her suggestion, the amusing frog on a heraldic shield became the emblem of the dinner service that had been ordered for the palace built on a swamp. Under the name, 'the dinner service with the green frog, this outstanding example of British art (and a clear testament to the intense nature of Russo-British cultural contacts) entered the collections of the Imperial Hermitage, and became acknowledged as a masterpiece of the museum's collections.

Compters with views of Windsor Castle, Berkshire (above) and Shugborough Park, Staffordshire.

The English researcher required the assistance of the Chief Marshal of the Imperial Court, Count Pavel Benkendorf. The energetic Williamson not only found far more historically significant views of Hampstead than he had expected (twenty material on the history of an enormous number of British architectural and natural landmarks.

The research resulted in a substantial publication that appeared in London in 1909 under the title, *The Imperial Russian Dinner Service: A Story of a Famous Work* by Josiah Wedgwood. Photographs of the book were taken on the personal orders of Nicholas II. Williamson's research and his publication not only enabled the unique ensemble to be properly exhibited in Peterhof's English Palace in accordance with the rules and tastes of that time, but also they gave Wedgwood's masterpiece the opportunity to return home. Williamson's publication was timed to coincide with an exhibition in London in 1909 celebrating 150

A triangular tray with a view of St. Michael's Mount, Cornwall.

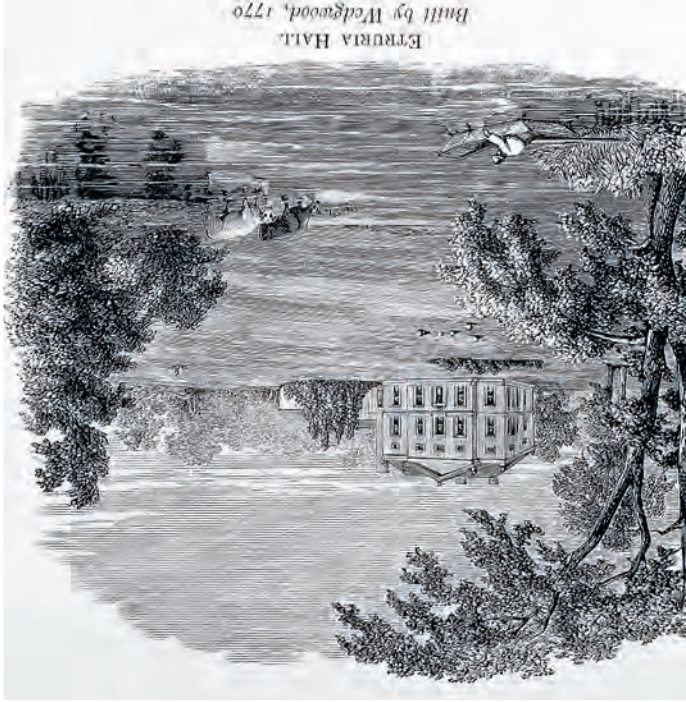
From left to right and top to bottom:
A deep dish with a view of Swansea Castle in Wales.

An ice-cream dish with a view of Richmond, Yorkshire, and Milton Abbey, Dorset — fragment and overview.

Items of the dinner service offer a visual guide to the local history of Great Britain.

Josiah Wedgwood and views of his residence, Etruria (left) and in the factory situated in its courtyard. From the volume: Jewitt L. The Wedgwoods: being a life of Josiah Wedgwood. London, 1865.

catalogue of British landmarks. It comprised 1222 landscape compositions. Each piece had a dark brown number painted on its underside corresponding to a numbered item in a catalogue of paintings, which included the name of each landscape. Wedgwood's partner, Thomas Bentley, had composed the last piece in the set for Catherine.

For the most part, the artists in the Wedgwood workshop in Chelsea (where the pieces of the dinner service were decorated) used published illustrations. But they did not attempt to copy exactly the engravings or even the specially executed drawings that they had at their disposal. The Wedgwood artists frequently favored architectural or landscape motifs that were located at the edges of the figurative compositions. These motifs

first acquired their charm and originality under their own brushstrokes.

Wedgwood called his unusual creation the 'Russian dinner service'. It sounds paradoxical but for the Englishman Williamson, it was precisely this 'Russian dinner service' that was to prove an invaluable source of iconographic material about the history of his native Britain. It provided information, for example, about how his beloved Hampstead looked in the eighteenth century. As a true Victorian, Williamson did not hesitate to contact the Russian Minister of the Imperial Court, and having received permission to carry out research, he arrived in St. Petersburg. At the beginning of the twentieth century the dinner service was being kept in the storerooms of the English Palace at Peterhof.

The imperial client had wished to see a range of precise and individually distinct topographical views of Britain on the ceramic items that formed a unified ensemble. She had wished, in other words, to undertake a journey to the shores of Albion, not only without ever leaving the frontiers of her expansive domain but without even leaving the vicinity of St. Petersburg. The commission was doubtless inspired by Voltaire's Philosophical Letters, which shaped all Europe's view of Britain as a bulwark of enlightened culture and liberalism. The grand faience dinner service (680 objects formed the main service and 264, the dessert service) became a kind of guidebook, an illustrated

Photo on page 26:
Burgh House has barely changed to this day.

Dr George Williamson in his library at Burgh House.

With a Green Frog

JOSIAH WEDGWOOD'S 'RUSSIAN DINNER SERVICE' AND BRITISH LOCAL HISTORY

Lydia LIAKHOVA. Illustrations: The Burgh House Trust, Courtesy of the State Hermitage, St. Petersburg. Photo: A. A. Pakhomov, K. V. Sinavsky, S. V. Suetova

In 1906 the famous art historian and critic George Charles Williamson (1858–1942) acquired Burgh House in Hampstead, the prestigious district on the outskirts of London. The house was built from red brick at the beginning of the eighteenth century, when Hampstead, which had become famous for its mineral springs, was virtually considered to be Britain's best resort. The celebrated Romantic poet John Keats and one of the most 'English' landscape artists John Constable, both lived here in the suburbs of the British capital in the first third of the nineteenth century. Constable repeatedly portrayed Hampstead's beauty spots in his works. From the 1860s, thanks to the opening of the railway linking the London 'countryside' with the city centre, Hampstead became a fashionable district of Greater London. By the beginning of the twentieth century not only the British but also foreign

visitors were flocking there. In 1912, the great Russian ballerina Anna Pavlova acquired a house in Hampstead. Even earlier, in 1910 the Grand Prince Mikhail Mikhailovich (the cousin of the Russian tsar Alexander III) based himself together with his wife, Sofia Nikolaevna the granddaughter of Pushkin, in Kenwood House. Williamson lived in Burgh House for 17 years until 1924. During that time he not only succeeded in employing Gertrude Jekyll, one of the best landscape architects to re-design the garden, but also became an authority on the history of Hampstead. A truly erudite humanist, Williamson knew that back in 1774, the British ceramicist Josiah Wedgwood had received a commission from the Empress Catherine the Great, to create what is perhaps the most unusual dinner service in the history of the ceramic arts.

by a contemporary medal artist, Felicity Powell, had uncovered the small group of historic medals commemorating financial scandal and political corruption. Their show was built on these historic medals but gathered extra power by a group of medals commissioned from contemporary artists, including Jake and Dinos Chapman, Ilya and Emilia Kabakov and Langlands and Bell. The museum exchange was generously funded by Lauren Bon, the granddaughter of Walter Annenbourg, and the Annenbourg Foundation.

There are, of course, more shows in the pipeline. The Heritage Foundation UK, established in 2003 acts as a cultural bridge, bringing British exhibitions to St. Petersburg and encouraging museums in the UK to mount Heritage exhibitions back home. Next summer should see a major exhibition of the work of Zaha Hadid, the brilliant architect who works in the UK, spread over three separate locations at the Heritage. Watch this space!

The curator of the 'Francis Bacon and the Masters' exhibition, Thierry Morel, at its opening in the Heritage. 6 December 2014.
 Study for a Portrait of Van Gogh I Francis Bacon (1909–1992). England. 1956. Robert and Lisa Sainsbury Collection.

Two more masterpieces from the Hermitage that have returned to Houghton: Anthony van Dyck, 'Portrait of Henry Danvers, Earl of Dandy' (left) and Nicolas Pousin, 'The Holy Family with St. John and Elizabeth'.

master paintings from the Hermitage with the work of the modern master Francis Bacon. It will be shown at the Sainsbury Centre for Visual Arts in Norwich from 17 April 2015. The show combines art from three main sources: paintings by Francis Bacon from the Sainsbury Centre itself, Master paintings from the State Hermitage Collection and photographs, catalogues and drawings from Bacon's own studio, which was donated to the Dublin City Gallery by his heir, John Edwards, and executor, Brian Clarke, in 1998.

Sir Robert Sainsbury and his wife Lisa, from whose remarkable collection the Sainsbury Centre takes its name, were devoted admirers of Bacon. He was also a friend, with the result that the family collection contains no less than 13 Bacons, many of them family portraits. This core will be built on by paintings from the Tate, a 'Screaming Pope' from Aberdeen and other choice pictures adding up to a group of 25 works.

The exhibition started out at the Hermitage itself on 6 December 2014. Piotrovsky had wanted a Bacon show for many years and finally got it as part of the celebration of the Hermitage Museum's 250th anniversary. The 250 years are calculated from Catherine the Great's first bulk purchase in 1764 which turned her palace into a museum. She bought 225 superb Old Master paintings from the Berlin dealer Johann Gottskowsky — they had been assembled for Frederick the Great who couldn't pay for them at the time.

But the cultural links between the Hermitage and Britain go both ways. Neil MacGregor, director of the British Museum, has been a member of the Hermitage Museum's International Advisory Board since it was first set up in 1994 — and chairman of it since 2000. He is a great admirer of the museum and of its director, Prof. Piotrovsky. In 2012 he brought his entire trustees board to St. Petersburg for the opening of a British Museum exhibition there — 'Medals of Dishonour'; This was a show that displayed the British love of contradictions. Medals are usually associated with heroism or achievement. But the British Museum's curator of medals, Phillip Atwood, ably abetted

of the 'Hermitage Rooms' at Somerset House, he had visited Houghton informally and been delighted by what he saw. It was the first time ever that a Russian state museum had been permitted to lend to a private home but he wangled it. Such an exhibition requires great sponsors. The BR, already followed by Christie's, the international auction house — James Christie had negotiated the original sale to Catherine in 1779. There were a dozen or so other private foundations and individuals who also backed the exhibition. After such an event, it was natural that the search should be on for the next sensation. Thierry Morel now promises a second remarkable exhibition, 'Francis Bacon and the Masters'; combining

took down Carlo Maratta's 'Judgement of Paris' which had been inserted in a ceiling at the imperial palace of Tsarskoe Selo, near St. Petersburg, and negotiated paintings from the Pushkin Museum in Moscow and Pavlovsk. But most of the collection was still in the Hermitage. Pousin's 'Holy Family' went back into its old frame which had never left Houghton in the Embroidered Bedchamber. Two wonderful Van Dycks went back into the Marble Parlour, eight works by Carlo Maratta — Sir Robert's favourite artist — went back into the Carlo Maratta Room. In all there were 42 paintings from the Hermitage — most of them masterpieces. Prof. Mikhail Piotrovsky, its director, already knew and liked Lord Cholmondeley, and smiled on the enterprise. In the days

A symbolic gift: before the opening of the exhibition Lord Cholmondeley presents Mikhail Piotrovsky with a model of Houghton Hall. Hermitage Museum, 27 March 2013. The famous 'Portrait of Sir Thomas Wharton' by Anthony van Dyck returned from the Hermitage for an exhibition on the south wall of the Marble Parlour at Houghton Hall. Photo on page 23: The Carlo Maratta Room at Houghton Hall such as it was in the time of Sir Walpole.

One of Houghton's halls.

Portrait of the Sir Robert Walpole.

Courtesy of the Marquess of Cholmondeley.

Wellington after the battle of Waterloo in 1815. This meant that all the furnishings were still in place and the effect of combining furniture and paintings took the visitor straight back to the 1720s. There were 115,000 visitors compared with a normal tally of 8,000 or so going round the house in an average summer. Houghton is a home for David Cholmondeley and his family but he opens the state rooms to the public in summer.

The idea of mounting the exhibition came from Thierry Morel, art historian and a former director of the Hermitage Foundation in London. Having talked Lord Cholmondeley into it — not difficult — he negotiated with the Hermitage and set about tracing where all the paintings that were no longer part of the collection had gone. He got a great Velasquez back from the National Gallery, Washington, sold by Stalin in the 1930s,

although it had been offered by a grateful nation to the Duke of the House was largely unused through the 19th century — autumn of 2013 — it was extended for two months to the end of November by popular demand. By a strange quirk of history, 'Houghton Revisited' took place in the summer and early paintings could be returned to their exact locations. Instructions about what should be hung where. Miraculously the minister's home in Downing St. and his drawings give precise Gallery. Kent already knew the collection from the prime-how the paintings should be hung in the Saloon and the Picture furniture and sculptures by Jan Michiel Rysbrack, drawings of Kent's plans for the interiors included, in addition to superb furnishings by William Kent.

was designed by the leading architects of the day and its interior furnishings by William Kent.

Houghton Revisited

THE HERMITAGE EXHIBITIONS HELD IN LONDON ARE NOW MOVING AROUND THE UK
 Geraldine NORMAN, Advisor to the Director of the State Hermitage Museum
 Illustrations: Courtesy of the State Hermitage, St. Petersburg. Photo: John Bodkin, Valery Zubarov, Evgeny Sinyaver

The formal link between the State Hermitage Museum and Great Britain goes back to the year 2000 when an exhibition space, known as 'The Hermitage Rooms', opened in London's Somerset House with the support of the present Lord Rothschild and his friends. One of the trustees of the 'Hermitage Development Trust' created by Rothschild was his cousin Lord Cholmondeley. David Cholmondeley's special interest in the Hermitage stemmed from Catherine the Great's purchase of his ancestor's art collection in 1779. And this proved to be the spark for one of the great exhibitions of all time — 'Houghton Revisited'. The paintings came back to the UK for a visit of several months. Cholmondeley's home, Houghton Hall in Norfolk, was built by Sir Robert Walpole, Britain's first prime-minister and a great art collector. The magnificent Palladian palace, situated in its own parkland,

when we discussed the future use of the General Staff Building it had not yet been decided what should be shown there. The International Advisory Committee felt very strongly that this was a chance to show the Shchukin and Morozov pictures in galleries with natural light and that's what has happened.

The British Museum and the Hermitage, the two first Enlightenment museums, are almost twins. We are a little proud of being the slightly elder sister, but only because we feel it gives us the right to be the first and the warmest in saying:

Happy 250th Birthday! As the Hermitage moves confidently into the era of Internet and digital technologies, I hope people will soon be able to enjoy the Hermitage all round the world.

May the Hermitage flourish for ever!

The gallery in memory of Sergei Shchukin and the Morozov brothers by daylight.

Neil MacGregor and Mikhail Piotrovsky: between you and me, the directors...

Statua di
Sant'Antonio da Padova
di Giovanni Stanetti
1700 circa

the values of Ancient Athens and the aspirations of the eighteenth century Enlightenment.

The Hermitage is one of the enduring achievements of that European Enlightenment. In the words of our Trustee, the sculptor Anthony Gormley 'For 250 years it has brought the consolations of beauty to a troubled world' But more than that. The Hermitage has stood for the belief that there is an international community to which we all belong, a Republic of Letters of which we are all citizens —

whatever the disagreements of our governments. It is an ideal which must be defended, especially in times of international tension, and Prof. Piotrovsky is its bravest and most effective champion today.

When asked what is my favourite hall or picture in the

Hermitage 'I'm afraid it is the obvious one, Rembrandt's the 'Prodigal Son'. It is everybody's favourite picture but it's such a great one. It's the one I always go to for a last look before I leave.

In the Hermitage I can admire some features that we don't have

in the British Museum. The first thing is a room like the Roman Yard of the New Hermitage where this exhibition opened. These rooms are the most beautiful rooms anywhere in the world for showing

ancient sculpture.

But also in the British Museum we have special things of

which we are particularly proud. First among them, perhaps, is the Mesopotamian — Assyrian — room, with the great sculptures from Nineveh. They are among the outstanding treasures of the British

Museum.

It is, of course, a great honour for me to be the chairman of the

International Advisory Board of the Hermitage and a great pleasure. Our role is to discuss the questions that trouble Mikhail Piotrovsky and the Hermitage and particularly the problems that all great

museums share. Our meetings give an opportunity to talk about

different ways of solving the same problem.

And what we try to do is to discuss the particular problems that the Hermitage will be addressing over the next few years. For example

The Trustees of the British Museum hold its collection in trust and believe that the great things of the world should be shared and enjoyed by the people of the world... The Trustees are delighted that this beautiful object will be enjoyed by the people of Russia.

Sir Richard LAMBERT,
Chairman of the Trustees
of the British Museum.

Neil MacGregor together with the
'masterpiece from the British Museum'
in the Roman courtyard
of the Hermitage Museum.

Photo on page 16:

Next to Rembrandt's painting,
'The Return of the Prodigal Son'.

The Museum Forever

THE STATE HERMITAGE: THE CONFIDENT STEPS OF A GREAT MUSEUM FROM THE AGE OF THE ENLIGHTENMENT INTO THE ERA OF THE INTERNET AND DIGITAL TECHNOLOGY

Neil MACGREGOR, Director of the British Museum and Chairman of the Hermitage International Advisory Board. Photo: Valery Zubarov, Svetlana Raghina

The 250th birthday of the Hermitage is an important moment for the whole world. This great palace-museum is not just the most magnificent museum building anywhere. It is also an inspiration to museums everywhere. A place where the great things of the world are shared with the world.

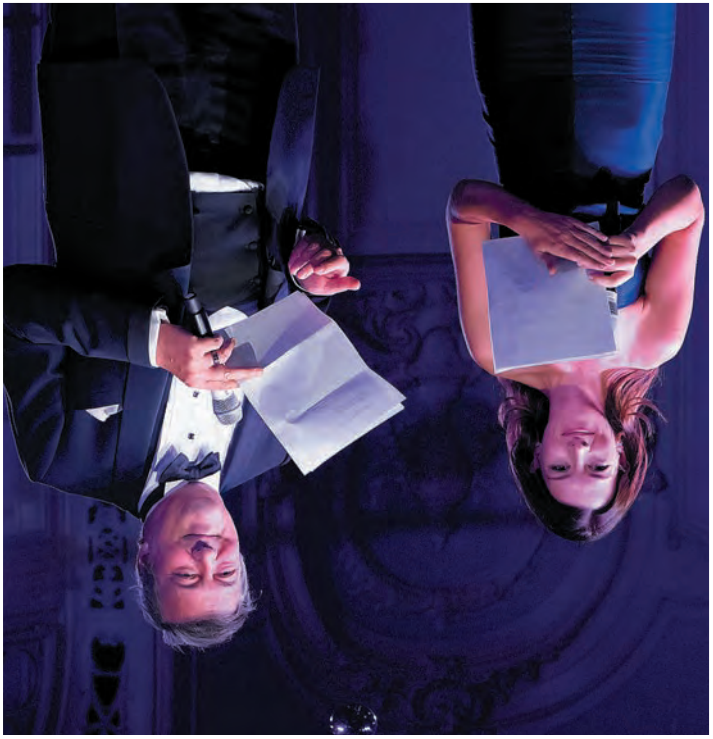
Its director Mikhail Borisovich Piotrovsky is a trusted colleague, and an old and dear friend of the British Museum. Many of our curators in London and St. Petersburg are companions of many years.

But the friendships are not merely personal. Our two houses have always been close. Indeed at the very beginning, they almost became one. When Sir Hans Sloane, the founder of the British Museum collection, died in 1753, he offered his collection for public

display first to the British Parliament. If they did not want it, he said it should be offered to St. Petersburg. The British Museum might well have wound up here, on the banks of the Neva.

Our Museum was proud and happy to lend a masterpiece from the British Museum to the State Hermitage to celebrate its great jubilee. The marble figure from the West pediment of the Parthenon was created in the workshop of Phidias in 438-432 BC and is shown in the Roman Yard of the New Hermitage.

This sculpture, worthy of comparison with Michelangelo, is not just a supreme work of art. It is an expression of an idea. It represents Ilissos, the river outside ancient Athens where, Plato tells us, Socrates discussed with Phaedrus the value of beauty and the morality of love. This sculpture carries with it the high ideals of European civilisation,

On 13 January 2015 the Gift of Life foundation staged its fourth charitable gala evening and auction in support of the wards of the Russian foundation 'Podari Zhizn' ('Gift of Life') in the Savoy Hotel in London. More than £500,000 (49,000,000 rubles) were raised to support children suffering from cancer and haematological illnesses.

Photos from left to right and from top to bottom:

The actor Igor Vernik and the singer Katie Melua.

The actor Stephen Fry and the actress Justine Waddell.

The broadcaster Vladimir Pozner.

The actress Ingeborga Dapkunaitė.

Chuphan Khamatova and ward of the foundation Rita Khirullina.

Dina Korzun, her husband Louis Frank and son Timur.

The stars of world ballet Natalia Osipova and Sergei Polunin dance.

Dina Korzun feels at home in both Moscow and London.

— You have a son, Timur (24), and two small daughters, Itala and Sophia (aged five and a half and four and a half respectively). How do they feel about your work for Russian children?

— My children are very supportive and understanding of my charity work. For example Timur frequently helps out as a volunteer at various events, while the youngest are happy to meet and play with children that visit London for treatment. They do ask questions, such as why their new friends might be wearing a mask or be connected to a drip, but it really doesn't get in the way of playing together.

— And how are you managing to combine your acting life with your charity work?

— As 'Gift of Life' becomes better known, others are taking more prominent roles in helping. And my acting role gives profile to the charity. I'm working on a Russian TV series at the moment. It's called Londongrad, and is about the Russian community in London. It's a relief that Russian women are not going to be portrayed as they are stereotypically in the UK as 'baddies' — prostitutes, mules, trophy wives etc. It will be the English community that gets the rough treatment this time!

— What do you play?

— I'm a surgeon. A 'genius' surgeon according to my fictional boss. Ironic, when you think about it, in terms of the charity work. Life and art are perhaps closer than you realise.

equipment, services, but it's changing as we are becoming better known and trusted. I really didn't know anyone when we first moved here, but one person introduced me to five, five then became fifty; fifty became five hundred. The Russian community here is taking up the reins and developing a whole series of activities on their own initiative — lunches, birthdays, auctions. And the UK tax system benefits charities through 'Gift Aid', which allows them to claim back the basic rate of tax paid by the donor, thus increasing the donation by 25%, but without any additional cost to the donor.

We're now a registered UK charity, with five trustees and a professional director. All our dealings are completely transparent, with a website and a set of audited accounts publicly available. It's getting easier.

— **What do you do with the money raised in the UK?**
 — We raise approx. £500,000 annually, compared to the £20 m we raise in Russia. We spend money raised in the UK in the UK, on a highly specialised chemotherapy drug called 'Erwinase';

It's for those with acute lymphoblastic leukemia and is devastatingly expensive. You can't get it in Russia, and children who can't tolerate conventional chemotherapy drugs can be saved by it. We now send it to hospitals all over Russia.

But until two years ago, importing 'Erwinase' into Russia was illegal. We had to smuggle it in — getting friends to carry it in and hand it over to doctors waiting on the other side of the barrier at airports. Chulpan and the rest of the team have worked with amazing energy to help get the law changed, so that it is now legal to import it. We send it by DHL whenever we get an emergency call from a doctor, hospital or clinic in Russia.

— **How do you feel the current climate between Russia and the UK will affect your work?**
 — I don't know. So far we are OK. We are growing in the UK, and there is an increasing desire to help us. But the economic downturn in Russia is bound to affect things. The only difference between Russian and British children with cancer is money. In Russia, we still can't adequately treat all those suffering with the disease.

Training in Moscow before the charity football match in London, in which children took part alongside famous sportsmen and artists from both countries.
 September 2007.

You can learn how to help the 'Gift of Life' foundation on its website: www.giftoflife.eu

You can learn how to help the 'Podart Zhizn' foundation on its website: www.podart-zhizn.ru

Stars from the TV show 'Ice Age', in which Chuplan Khamatova took part, visiting patients of the haematological department of the Russian Children's Hospital. Dina Korzun (left), November 2007.

— **How easy — or difficult — was it to raise that sort of money in Moscow at the time?**
— \$200,000 was the price of a ministerial car. We raised it thanks to the generosity of our friends, but once we raised it realised it was only a drop in the ocean: it opened our eyes to the depth of the problem. The survival rate in Russia for children with cancer was only 40% as opposed to 90% in the western world. There were lots of wonderful volunteers who wanted to do something about the state of our medical services, but didn't have the means or the connections to do much. Some had been working for years, and it's important to remember that we were not alone in creating this charity. But we could use our fame to raise awareness of the problem.

what we were doing. People thought it was about PR for ourselves. It wasn't done to talk about cancer or other illnesses or handicaps publicly in Russia at the time. It sounded like an admission of weakness in our society; as well as a criticism of the state. People insulated themselves from the truth by not speaking about it.

— **How why did you start 'Gift of Life' in Britain?**
— My husband and I decided to make our base in London in 2008, at the time of the global financial crisis. We needed somewhere we could both work from easily (he is a Swiss citizen) and it was the most logical option. The charity had become big in Russia (like 'Cancer Research' in the UK) and it made sense to use the fact that I moved here to set up a sister charity to 'Podary Zhizn', to contribute to the work that is being done in Russia.
— **And how different did you find raising money here?**
— When I first moved here, almost everyone in Russia knew about 'Podary Zhizn', while here in the UK no one knew who we were, so we had to start from scratch, for example for our fundraising events we had pay for everything — venue hire,

There have been enormous changes since then. The survival rate for children with cancer in Russia has increased to 80% since then; there are now well-equipped clinics in hospitals not only in Moscow and St. Petersburg, but in the regions.

Benefactors

school, I was part of a group called 'Timur's Team; and we used to volunteer to help the elderly and vulnerable. It affected me tremendously to see the isolation of the elderly: some unable to move; some blind; some unable to afford even a loaf of bread. I think I spent more time than my classmates in helping in any way I could. It's definitely where I think my sense of compassion stems from.

— **How did you make the journey from Smolensk to London?**

— After training at the Moscow Art Theatre School, I was asked to join the Chekhov Moscow Arts Theatre Troupe. It was during this period that I made my first film, in Valery Todorovsky's 'Country of the Deaf'. As result of its success, I came to London to take part in Pawel Pawlikowski's film 'Last Resort, which he was making for the BBC.

It was 1999. I was 28, and couldn't speak a word of English. I had to play a Russian woman who arrives in England and tries to negotiate life here without being able to express herself. The film was shown in the States and a lot of European film festivals, and did really well. From then on, I began regularly travelling for work between Russia and the west.

— **How did you become involved in setting up 'Gift of Life; a children's cancer charity?**

— I'd been travelling and working constantly, and in 2004 made 'Forty Shades of Blue; It did fantastically well, won the Grand Jury Prize at Sundance, and I won a number of awards. But for all the success and glamour, I felt terribly unhappy. I had a sort of existential crisis. I decided to do something for others and took off for Nepal, where I worked in an orphanage for three months. It was the first time I'd ever had to do things on my own — even buying tickets was a challenge. No-one knew who I was in Kathmandu, and I learned Sanskrit and Nepali and helped 50 children with their homework and taught them drawing. I organised an exhibition at the end of my time

there, which was great for the children, but equally great for me. My depression lifted there and I knew that material success wasn't the key to happiness. Happiness is from within.

When I returned to Russia, a friend introduced me to a group of doctors who worked in an oncology institute in Moscow. Most were foreign-educated, young and idealistic. They had returned to Russia to make a difference, but they suffered from the inertia of the system as well as from a chronic shortage of equipment. There was only one advanced blood analysis machine in Moscow at the time, so mothers would have to travel from hospitals all over the city carrying their children's blood in plastic sacks strapped to their chests — and on the underground, or on the bus. It was a dreadful situation. The doctors were trying to raise \$200,000 to buy a blood-analysis machine for their institute. That was when I got together with my friend, actress Chulpan Khamatova, and 'Gift of Life' ('Podary Zhizn') was born. We started to call friends — actors, musicians and artists. They were ready to help, and to give their time and skills freely. But more generally, there was a great deal of suspicion about

Dina Korzun (left) and Chulpan Khamatova. A symbolic photo taken for the first poster for the 'Gift of Life' foundation in 2007 on a bridge across the Yanza River near Chulpan's home in Moscow.

The concert on the 1 June 2009 in the House of Music. One of the foundation's wards, Amna Bolotina from Tomsk, successfully underwent treatment for acute lymphatic leukaemia in 2006–2008.

The Woman from 'Londongrad'

HOW FOUNDING A CHILDREN'S CHARITY HELPED ACTRESS DINA KORZUN FIND HERSELF

Andrea ROSE. Photo: Olga Lavrenkova (Moscow), Ekaterina Nikitina, UKatePhoto (London)

her) is not content to rest on her acting laurels. Something drives her to seek out and help others. I asked her where this came from.

— I'm from the Soviet Union, you know. We didn't have God. But we did have morality and sense of common purpose. I was born and brought up in Smolensk — a city close to the Polish border and on the route of all invading armies. It's a city scarred by war, from the Napoleonic period to the Second World War. My two grandmothers served during World War II, and my mother served as a Deputy in the Smolensk Administration — as a volunteer, of course.

We lived in a communal apartment — eight families in one flat, with a small kitchen, two stoves and a single sink between us. It was natural to feel connected to one another, to have a sense of helping each other out. As a child, I was in the Young Pioneers, and after

Dina Korzun is waiting to be interviewed in her studio apartment in South London. It's in a scruffy area of the city, close to the river and just behind a major bus and railway terminal. Appropriately, her apartment is within a complex of medieval-looking buildings, originally part of a community built in the 1860s with a church, a soup kitchen, and two schools designed to equip poor children with the skills to work in the local pottery and engineering industries. Appropriate, because Dina is a woman with the word 'community' in her DNA. The complex she lives in with her husband and two small daughters is now part of an artistic community, with creative producers, musicians and designers living in the renovated school premises. And appropriate, because Dina, acclaimed as she is in both Russia and the west ('the Russian Julia Roberts' as the western media dub

Vadim Levin with his collection of antique Islamic coins.

Coins from Vadim Levin's collection at the final exhibition, which by tradition presents the most interesting objects presented to the museum over the course of the year. The Apollo Hall of the Hermitage. 30 December 2014.

By tradition the magazine's authors, heroes and partners attend the presentation of each issue.

Inna Shalyto congratulates the director of the hotel 'Hermitage', Elishan Babaev.

An Event

(more than 200 coins), engraved, for the most part, in towns in today's Uzbekistan (Samarkand, Bukhara and others), from the Buvaikhid dynasty, minted in the region of today's Iran and to some extent Iraq. Some of the coins featured eyeholes or fastenings so that they could be worn as decorative items. The total weight of the silver in the collection is around six marks (about 1,200 g), which in terms of value is roughly the equivalent of between 76 and 102 grams of gold, corresponding to the annual income of a farmer of modest means (in both the Caliphate and in Eastern Europe).

The magazine's launch also celebrated another important event, associated with its partners and... with London. The hotel 'Hermitage', the official hotel of the Hermitage Museum, had been awarded an

international prize in the 'European Property Awards' in the category of 'Best Hotel Interior in Russia' in the British capital. The Chairman of the Committee for the Development of Tourism in St. Petersburg, Inna Shalyto, presented the hotel with the certificate confirming its 'Five Star' category.

So it seems that the new magazine's first steps have proved to be sure-footed, rather than unsteady. The journey continues onwards to new crossroads in the current issue.

The St. Petersburg presentation of the project, under the auspices of the Hermitage's anniversary, was a more intimate and exclusive affair. Congratulating the founders and partners of the magazine with the publication of its first issue, Piotrovsky emphasised the important role of philanthropy in supporting the arts.

Then, as if in confirmation of his words, there followed a ceremonial presentation to the Hermitage of Vadim Levin's unique collection of antique silver coins (Cufic dirhams). The managing partner of the company Russian Maecenas Publishing Ltd, Fedor Kouznetsov, expressed the hope that this would not be the last gift from friends of the magazine. Specialists in the department of numismatology noted that the museum had long been waiting for a collection of such quality. They consider it to be an unusually complete collection of Islamic coins, which made its way to Eastern Europe, by means of the international trade routes, at the end of the 10th century.

The majority of the coins are from Central Asian, Iranian and Caspian states. There are a large number from the Samanid dynasty

Mikhail Piotrovsky congratulates the creators of the magazine on the appearance of the first issue and thanks Vadim Levin for his valuable gift to the Hermitage. Fedor Kouznetsov flew in from London to present the rare dirhams to the Hermitage Museum.

The magazine Russian Maecenas gathered together authors, friends and partners in the hotel 'Hermitage'.

Ekaterina and William MacDougall welcome the guests.

That evening, many people wished to be photographed with St. Petersburg.

which important events and encounters take place, at which new cultural values and meanings are conceived.

One of the existing traditions of the earlier version Russian Maecenas had been the presentation of each issue with the

participation of those who feature in it and the organisation of charitable events. The creators of the new Russian Maecenas have

continued this tradition and organised two ceremonies with differing formats: in London within the framework of the St. Petersburg

Cultural Mission to Great Britain, and in the city on the Neva, on the very eve of the 250th anniversary of the Hermitage Museum.

The launch of the magazine in MacDougall's Auction House — against the backdrop of a very unfavourable political situation

and the cancellation by the British of the UK — Russian Year of Culture — was a stunning success! The lively event was very well

attended (there were more than 300 representatives of the business world, cultural institutions, sport, veterans' organisation and

charitable foundations). As one of the guests observed, 'the entire spectrum of London society' was present. Judging by the general

interest in the new publishing project, the magazine has certainly found a niche. MacDougall's hosted an exhibition of work by the magazine's partner, the photographer and banker, Vadim Levin, A Bird's Eye View of St. Petersburg; One of the lucky guests, Daniel Salter, from the company 'Renaissance Capital', received the prize of a wonderful panoramic photograph of Russia's northern capital.

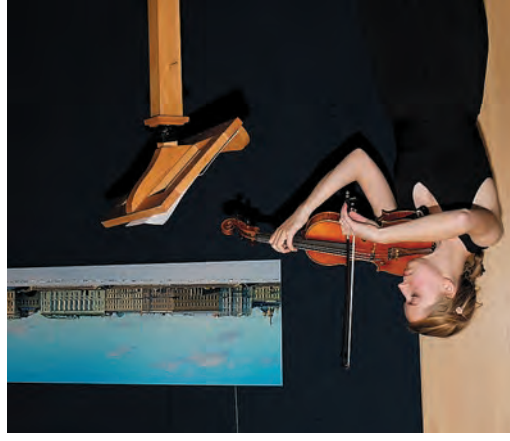

Arkady Sosnov: the Anglo-Russian magazine was launched not thanks to favourable circumstances but rather in spite of difficult ones. The Deputy Executive Director of Heritage Foundation UK, Janice Sacher offers an invitation to the exhibition 'Francis Bacon and the Masters' in the Hermitage Museum.

The First Step is Already a Journey

THE END OF LAST YEAR SAW THE LAUNCH OF A NEW BI-LINGUAL MAGAZINE,
RUSSIAN MAECENAS IN BOTH LONDON AND ST. PETERSBURG
Sergei TEPELOV. Photo: Mimage Creative Production, Sergei Lekomtsev (London), Svetlana Raghina

Polish violinist Wiesława Chrobak
played for the guests.

As a rule, the first issue of any new publication is called a pilot; i.e. a test publication which if it is given an issue number at all, then it is zero. This is done so that any possible errors will be put down to the initial costs of experimentation.

The London — St. Petersburg team of Russian Maecenas decided to approach the first issue, which was prepared simultaneously in both Great Britain and Russia, rather differently, without compromise and without begging the indulgence of the readers. The first issue was to set the standard for those that followed.

There were several reasons for this. Above all, the new magazine, devoted to the collaboration of two countries in the spheres of culture, the arts and business, had a strong foundation: the magazine Russian Maecenas. Already published in Russia

since 2007 the magazine had been conceived as a form of social partnership, supporting culture and philanthropy, with an unusual horizontal format and an established readership. This publication had reliable partners among whom it suffices to mention the Hermitage Museum, the director of which, Mikhail Piotrovsky is the chair of the magazine's board of trustees.

The existing partners also became, quite naturally, the partners of the new Anglo-Russian version of the journal. Addressing the readership, Piotrovsky commented that 'we are not simply publishing a magazine for the UK; we are projecting our wonderful cultural heritage into the English-speaking world.' For his part, the magazine's editor-in-chief, Arkady Sosnov, pointed out the magazine's key rubric: crossroads. These are the crossroads of a common history, national customs, destinies; the crossroads at

SAFE FALLING GUARANTEED!

Russian Sambo expands into the Commonwealth / p. 41

PAINTING RUSSIA

The British artist Janet Treloar loves Akhmatova and knows what the Siege of Leningrad was really like / p. 46

CREATIVITY

WHERE IS ENGLAND GOING?

A poetry competition as a means of studying the language, and delving into the soul of a people / p. 50

A POEM IN SILVER

English antique that have become a treasure of the Hermitage Museum

MORE THAN ONE

Brodsky in England and the English Brodsky

WITH THE WEAK HAND OF A WOMAN

How Scottish artist Christina Robertson vanquished Russia

FOLLOWING WAVES OF MEMORY

Why Russian veterans of the Arctic Convoys travelled to a British seaside town

FORTHCOMING IN OUR NEXT ISSUE

English antique that have become a treasure of the Hermitage Museum

AN EVENT

THE FIRST STEP IS ALREADY A JOURNEY
The end of last year saw the launch of a new bi-lingual magazine, Russian Maecenas in both London and St. Petersburg / p. 4

BENEFACTORS

THE WOMAN FROM 'LONDONGRAD'
How founding a children's charity helped actress Dina Korzun find herself / p. 10

HERITAGE

THE MUSEUM FOREVER
Neil MacGregor, Director of the British Museum on the Hermitage Museum / p. 16

HOUGHTON REVISITED
The Hermitage exhibitions held in London are now moving around the UK / p. 20

WITH A GREEN FROG

Josiah Wedgwood's 'Russian Dinner Service' and British local history / p. 26

THROUGH THE EYES OF A CHILD

The British director Margy Kimmonth has created a documentary about St. Petersburg's famous museum / p. 31

CROSSROADS

BRINGING THE OVAL TO THE CITY

Oxford rugby players train with their peers from the University of St. Petersburg / p. 36

Arkady Sosnov — Editor-in-Chief
Igor Domrachev — Art Director
Andrei Zaitsev — Photo Director
Svetlana Raghina — Photographer
Elena Morozova — Copy Editor

Editorial Office: 5 Universitetskaya nab, flat 213,
199034, St. Petersburg, Tel./Fax +7 (812) 328 2012.

e-mail: sosnov2003@yandex.ru,

website: www.rusmecenat.ru

Chairman of the Board of Trustees: M. B. Piotrovsky

Founder: Arkady Sosnov

Publisher: St. Petersburg Social Organisation

'Journalist Centre of International Co-operation'

Address: Universitetskaya nab, flat 213, 199034,

St. Petersburg Tel./Fax +7 (812) 328 2012

**Distributed to the leaders of government agencies,
companies, cultural institutions, and charities.**

Partner in Great Britain: Russian Maecenas Publishing LTD

Fedor Kozunev — Managing Partner

Alla Armen — Deputy Director

52-55 Piccadilly, Level 2

W1J 0DX London

United Kingdom

www.rusmecenat.co.uk

info@rusmecenat.co.uk

Tel./Fax: +44 (0) 743737317

Vilia Popova — Official Representative in Great Britain, jp@rusmecenat.co.uk
Nadia Kidd — translator

Distributed in cultural and business centres

in Great Britain and by subscription.

The Magazine is registered with the Federal Agency for the Supervision of Conformity
with the Legislation in the Sphere of Mass Media and the Preservation of Cultural Heritage.
Registration certificate: P1 No. FS2-8864 from 01.11.2007, issue submitted to publisher
03.02.2015. Printed at 'Premium Press', 4 Optikov St, 197374 St. Petersburg, Circulation:
2000 copies. © Russian Maecenas, 2010

The use of this material is only permitted with the written approval of the editors.
The opinions expressed by the authors do not necessarily reflect those of the editors.
The editors have no responsibility for the contents of the advertisements. All advertised
products and services have the required certificates. All rights reserved.

Cover images:
The actress and public figure Dina Korzun in London and in Moscow.
Photo: Olga Lavrenkova and UKatePhoto

Hello!

Hey, Taxi!

Last autumn in London I met with a mishap. At six
in the morning, I left the flat in Hampstead where friends
had allowed me to stay, shut the door behind myself and
stroled towards the nearest tube station, thinking I'd get
to Heathrow in time to check-in for my 9am flight to Piter.
There was, however, none of the customary bustle at the
station entrance, not a soul on the street; the station gates
were securely fastened shut. My feeling that something was
wrong was confirmed by a sign on the wall announcing that
the station only opens at 8am on Sundays. Fortunately, from
around the corner, a black cab came into view. Unfortunately,
it already had passengers. But I waved my hand with such
determination, that the cab stopped. 'I have to get to the
airport, Sir. — I said to the driver. — 'I'm afraid I can't help,
Sir. I'm taking these people; — 'But I have to get there,
whatever it takes!' — 'I can ask them, and if they agree..;' —
'Please do!' They agreed. On the way, it turned out that the
passengers were taxi drivers who had finished their shift and
my driver was taking them home. When the last one left the
cab, the driver turned the meter on. We were there in flash
but my ignorance of the customs of the local metro service
had cost me £90 — a fortune at the current exchange rate.
I like London cabs. The driver is separated from the
passengers by a plastic screen, which provides privacy and
security. But there is plenty of room in the back: three rear
seats and two folding seats. The roof is high enough for the

Arkady Sosnov
Editor-in-Chief of Russian Maecenas

proverbial passenger in a top hat. At the end of the journey,
driver opens the hatch in the screen and hands over the bill:
'Have a good day, Sir'
According to surveys, London cabbies are the best in
the world. It was with good reason that the Committee for
the Development of Tourism in St. Petersburg decided to
place pictures of the Neva with the bridges raised on board
London cabs. They are reliable and respectable, ecological and
ubiquitous. If only the symbols of London and Manchester
were to appear on the side of Petersburg taxis! They would
signify not only a European level of service but also that you
don't have to discuss the fare with the driver before getting in.
It's all done by the meter.

